

Валерий Мясников

Неизвестная солдатская война

Из потаённых тетрадей фронтового разведчика (1944-1945 гг.)

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Валерий Мясников

Неизвестная солдатская война

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Мясников В. Ф.

Неизвестная солдатская война / В. Ф. Мясников — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Во время Второй мировой войны в Красной Армии под страхом трибунала запрещалось вести дневники и любые другие записи происходящих событий. Но фронтовой разведчик 1-й Танковой армии Катукова сержант Григорий Лобас изо дня в день скрытно записывал в свои потаённые тетради всё, что происходило с ним и вокруг него. Так до нас дошла хроника окопной солдатской жизни на всём пути от Киева до Берлина. После войны Лобас так же тщательно прятал свои фронтовые дневники. Но несколько лет назад две полуистлевшие тетради совершенно случайно попали в руки военного журналиста, который нашёл неизвестного автора в одной из кубанских станиц. Буквально перед самой своей смертью Григорий Лобас, благодаря исключительно цепкой, профессиональной памяти разведчика, предельно откровенно прокомментировал каждую запись своих фронтовых дней. По восстановленным дневникам и фонограмме воспоминаний Г.Т. Лобаса написана эта книга. Содержит нецензурную брань.

© Мясников В. Ф., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Воскрешение правды	5
Рассказывает Григорий Тимофеевич Лобас	9
Учёба в тылу	13
1944 год	27
Дорога на фронт	31
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Воскрешение правды

Две толстые тетради с остатками черного дерматинового переплёта и пожелтевшими, рассыпающимися по углам листами. Когда они впервые попали в мои руки, я долго привыкал к мысли, что на этих полуистлевших страницах химическим карандашом писал солдат именно в те дни – 1943–1945 годов.

Аккуратно переворачиваю листы, а с их краёв, словно мишура, сыплется кусочки бумаги с фиолетовыми буквами и даже целыми словами, из которых сложились два трудно постижимых года между жизнью и смертью.

Да, это – дневник рядового той войны.

Казалось бы, какие причины для особых волнений? Солдатские письма военного времени можно увидеть под витринным стеклом многих краеведческих и школьных музеев. А уж боевых эпизодов, подробностей фронтового быта достаёт и в художественной, и в мемуарной литературе. Сейчас мы, люди послевоенных поколений, считаем, что о той войне знаем почти всё.

По крайней мере, гораздо больше, чем о девятилетней войне в Афганистане. А когда мы будем знать всё об афганской войне? Сколько ещё лет правде пробиваться к нам сквозь прочные стенки сейфов, запреты цензоров и ревнительных хранителей "принципов", сквозь официальные мнения и трусость чиновников?

Если об этом судить по дневникам разведчика Григория Лобаса, то – ни одно десятилетие. Потому что и сегодня ни в каком музее не увидишь столь обнажающего фронтовую действительность документа 1941–1945 годов. Потому что и сегодня ещё никто из авторов мемуаров (а среди них, как правило, нет рядовых) не решился сказать то, что было записано рукой Григория Лобаса полвека назад. Потому что окопная правда, так трудно, по толике доходящая до нас вместе с книгами Сергея Смирнова, Ивана Акулова, Вячеслава Кондратьева, Василия Гроссмана – это ещё не вся правда.

Не знаю, удастся ли где-нибудь опубликовать дневник и воспоминания Григория Тимофеевича Лобаса без купюр. Уж слишком в необычном, точнее сказать, непривычном для нас свете предстаёт Великая Отечественная война с его слов. Принять такую войну сразу трудно. Трудно не только тем, кто, пройдя через неё, зная её и такой, тем не менее в печати и на трибуне никогда не выходил за рамки «массового героизма», «беззаветной преданности» и «стойкости».

Трудно принять войну Григория Лобаса и нам, родившимся после неё и знавшим о ней только то, что освящало её, только то, что порождало трепетное отношение к «отцам»-командирам всех рангов, только то, что возводило эту войну в некое чистилище особой «советской» нравственности и особого строя, единственного в своём роде, способного вынести такие испытания.

Возможным первым издателям и первым читателям вначале покажется, что солдатский дневник разрушает святыне для нас понятия. Действительно, война, воспроизведённая на быденном уровне – страшная вещь. Цинизм и обнажённость страстей, нескрываемая боль и доступность сиюминутужелаемого, густо замешанные грязь и кровь – всё это, в солдатском сознании гипертрофированное и в то же время прощаемое обреченностью завтрашнего дня, конечно, ничего не добавит к известным моральным ценностям.

Но при этом солдатская правда поможет нашему современнику в трёх значительных обретениях.

Первое. Начертав на своем знамени демократизации слово «правда», как одно из важнейших ее завоеваний, нельзя идти к правде через фарисейство. Оно не может быть оправдано никакими высокими целями. Наш современник знает об одном из самых трагических

периодов истории своей страны во многом из учебников и воспоминаний маршалов, генералов, командиров различных степеней, если не всегда конъюктурно написанных, то практически всегда конъюктурно отредактированных. И сегодня уже нельзя лишать права знать о войне из уст простого солдата.

Правда, неотобранная и неклишированная, не приспособленная к официальным установкам и оценкам авторитетов, а именно ОБЪЁМНАЯ правда возвращает современнику утраченное ДОВЕРИЕ.

Второе. Мне кажется совершенно несостоятельным распространённое мнение, будто невозможно прийти к пониманию высоких целей и моральных ценностей через материал, воспроизведённый на уровне обыденного сознания. Вспомним об исторической онтологии – учении об ускорении мысли в основах бытия.

Убеждён, что страшные и безобразные натуралистические картины в восприятии рядового солдата, не имевшего понятия об онтологии, но тем не менее стоящего к истине зачастую ближе, чем иные всё объясняющие философы, помогут современнику сделать свой непредвзятый нравственный выбор. И выбор этот будет не в пользу войны, не в пользу насилия, не в пользу бездушия и бездуховности.

И, наконец, третье. В дневнике немало таких мест, которые истинному патриоту и просто совестливому человеку невозможно будет прочесть вслух. Но сколь бы неоднозначными показались суждения и поступки автора дневника, проницательный читатель, в конечном счете, увидит главное. Нравственная позиция простого русского солдата, его отношение к Отечеству являют собой тот глубинный, неодолимый патриотизм, о котором русский писатель и мыслитель Василий Розанов сказал так: «До какого предела мы должны любить Россию? ... До истязания самой души своей. Мы должны любить её до «наоборот нашему мнению», «убеждению», голове. Сердце, сердце – вот она любовь к родине – чревая».

Как же воскрес дневник из полувекowego небытия?

Однажды на пороге дома моих родителей в Севастополе появился пожилой человек. Он сказал, что знает их сына по двум книгам очерков и поэтому решил передать для него записки своего брата. Это был Павел Тимофеевич Лобас, который с 1945 года хранил тетради брата Григория у себя дома. Когда один раз в год – 9 мая у него за столом собирались однопольчане-фронтовики, они всегда просили Павла Тимофеевича почитать эти записки. Слушали, смеялись, горевали и вспоминали то, другое у войны лицо, о котором сами они тоже никому и никогда не рассказывали. «Вот если бы всё это опубликовать...» – неизменно говорили фронтовики, но никто из них даже мысли не допускал, что такое возможно.

До 1985 года я работал корреспондентом газеты Черноморского флота "Флаг Родины". В военное время флоту выпала трудная судьба. Если бы немцы смогли взять последние две базы – Потти и Батуми, он прекратил бы своё существование.

Что было под Одессой, Севастополем, Керчью, Новороссийском, когда сдавали их и когда брали вновь, – об этом "Флаг Родины" писал много. Вообще выступлениям фронтовиков газета отводила целые полосы. Но на летучках журналисты сами часто критиковали их за однообразие материалов: сплошные героические эпизоды. А что же было под Одессой, Севастополем, Керчью, Новороссийском кроме героических эпизодов? Об этом ещё не написано ни одной правдивой книги. Нам, журналистам, многое становилось известным не из присланных в газету писем, а от разговорившегося после «неформальной» чарки фронтовика, не от тех, кто сверткая наградами и ветеранскими значками, в День Победы стоял поближе к кумачовой трибуне, а от одиноко приютившегося в тени каштана старика с одной-единственной на поношенном пиджаке медалью «За отвагу»...

Так, чисто случайно, эпизодически прорывалась солдатская правда, о которой нельзя было написать. Слушали мы этих людей, и стыд жёг сердце от собственного бессилия. Теперь, когда многое можно воскресить, осталось слишком мало времени.

Прошли годы как умер бывший черноморский матрос, позволявший себе после чарки говорить не «для печати». Давно уже не приезжает в Севастополь кавалер медали «За отвагу». А часы стучат. Сколько ударов они оставили тем, кто ещё в состоянии поведать, как ЭТО БЫЛО?..

Обо всём этом я хотел сказать и автору фронтового дневника Григорию Тимофеевичу Лобасу, когда ехал к нему в приазовскую станицу Гривенскую. Честно говоря, очень опасался, что старый солдат испугается своих фронтовых откровений и не решится вместе со мной ещё раз прочесть свои записи, но теперь уже – и между строк.

К счастью, мои опасения оказались излишними. У бывшего разведчика сохранилась цепкая память, открытый взгляд, военная прямота. Очень часто, не стесняя себя в выражениях и сравнениях, он говорил так решительно и твёрдо, словно казацкой шашкой отсекал ложь от правды. Жизнь он прожил такую, в которой ему кроме доброго имени нечего терять. До войны рыбачил с отцом на Азове, после войны и до 19 апреля 1981 года, когда исполнилось шестьдесят, шоферил в местном рыбколхозе. В 1947 году у Павла Тимофеевича и Марии Ивановны здесь же, в Гривенской, родилась дочь Нина. Спустя шестнадцать лет в их семье появилась двухмесячная Наташа, которую они подобрали ночью на одной из станичных улиц и назвали своей дочерью – в то голодное время нередко находили подкидышей.

Сейчас вся семья (ещё два зятя и трое внуков) по выходным и праздникам собирается за одним столом. Встречает их Григорий Тимофеевич всегда у калитки своего дома. Годы ещё не надломили стать высокого, могучего в плечах и физически сильного кубанца. Он часто улыбается, и кончики поседевших, закрученных кверху усов поднимаются до самых глаз. Искрящийся, с чертовщинкой взгляд выдаёт большого жизнелюба. Он и сейчас посмотрит вслед красивой женщине. Похожие на сапёрные лопаты руки в основном крутили баранку, вытаскивали из вентерей крупную рыбу и били по морде гадов. Этого последнего занятия Григорий Тимофеевич не стесняется. Пока сила есть, и сегодня в любой момент готов вступить за обиженного. Зло в душе никогда не носил. Размахнулся раз, другой – и вылилось всё зло.

Для счастливой жизни, как сам считает, у него всё есть – дети, внуки и рыбалка. Однако с каждым днём, словно мартовский снег, тает здоровье. Напомнили о себе фронтовые раны. А ранен был трижды. Кстати, с ранениями совпадает и количество наград: два ордена Отечественной войны I и II степени и медаль «За отвагу».

Привёз я с собой в Гривенскую не только полуистлевшие тетради, но и с большим трудом восстановленный машинописный текст. Из-за утраченных, как правило, уголков страниц и выцветших чернил (автор иногда изменял химическому карандашу) не всё удалось разобрать дословно, многие места в записях просто непонятны, а многие кажутся прерванными и незавершёнными. Поэтому решили так. При включённом диктофоне читаем восстановленный текст, и попутно Григорий Тимофеевич комментирует свои краткие записи и отвечает на мои вопросы о том, что осталось между строк. Именно в таком порядке я и воспроизвожу весь материал, ничего не меняя по содержанию в комментариях и не единого слова – в тексте дневника, который цитируется в честных кавычках.

Часто хронология событий будет нарушаться. Дело в том, что сохранились записи только с 11 сентября 1943 года, а дневник был начат зимой 1942-го. Поэтому пришлось расспрашивать о том, что произошло до сентября 1943 года, об отношении автора к отдельным событиям военной поры в связи с упоминающимися в дневнике эпизодами.

Иногда аналогии и воспоминания значительно отдаляются от основного повествования, но их кажущаяся фрагментарность, в конечном итоге, служит воссозданию целостной картины жизни, быта, настроений рядовых солдат войны через восприятие одного из них.

Ещё больше уйти от эпизодичности, лучше увидеть всю панораму той великой войны помогут воспроизводимые сводки Советского информационного бюро, привязанные к конкретным датам и фактам из дневника фронтового разведчика (цитируются по изданию «Сообщения советского информбюро». Издание Совинформбюро. Москва, 1945, в 8-ми томах).

Итак, начнём с первых неизбежных вопросов.

– Как появилась идея вести дневник? Ведь, насколько известно, во время войны это было категорически запрещено. Где хранил тетради? Попадали они в руки командиров? Как к этому относились товарищи и как удавалось делать записи почти каждый день?

Рассказывает Григорий Тимофеевич Лобас

– Зимой 42-го под Сталинградом взяли контрольного пленного. У ефрейтора никаких важных документов оказаться не могло, поэтому никто не обратил внимания на толстый блокнот, который я тут же конфисковал и показал переводчику. Это был дневник. И что меня поразило: бои почти не прекращались ни днём, ни ночью, а записи ефрейтор делал каждый день. Может быть, он меня и подтолкнул к этой идее...

Лобас Григорий Тимофеевич, станция Гривенская, Краснодарский край, 1990 г. (Из семейного альбома Г.Т. Лобаса)

Хотя толком объяснить, почему я стал вести дневники, не смог бы тогда и не могу сейчас. Просто была тетрадь, была полевая сумка, где тетрадь можно хранить, и был химический карандаш. Как в блиндаже согреюсь, так под видом письма домой начинал писать. Чтобы тетради не попали в плохие руки или к командирам, я всегда носил их при себе – даже когда ходил в разведку, за «языком». Но разведчики в это время сами, случалось, становились «языками», и тетради, таким образом, могли оказаться у немцев. Поэтому я многие подробности в дневник не заносил. Писал намёками или условными сокращениями.

В моём отделении все следили за тем, как я делал записи, и к вечеру обязательно кто-то напоминал: ты не забыл записать? Во время сильных боёв или длительных марш-бросков вести записи каждый день, конечно, не удавалось. При первой возможности мы с ребятами восстанавливали события всех предшествующих дней. Иногда записи делали самые близкие друзья из моего отделения разведки – Шитиков, Лозуков, Шуралёв, Коба.

Лозуков и Шуралёв до Берлина не дошли, погибли. Шитиков погиб уже в Берлине. Следы Кобы после войны затерялись. Все вместе берегли тетради от командиров, а особенно от нашего особиста. Однажды командир взвода, которого все называли Ванька-взводный (фамилию его не помню, звали Иваном), углядел-таки. Подходит ко мне, когда рядом никого не было, и предупреждает: «А ты Лобас, не боишься со своей тетрадкой попасть куда-нибудь далеко?..». Нелюдимый был этот Ванька-взводный, всё как-то сам по себе, молчит. Понадеялся я, что никому не скажет, и пообещал выбросить тетрадь. Не знаю, от него или от кого-то другого узнал-таки о моих тетрадках особист – начальник особого отдела нашего полка. Можно только предполагать, что было бы со мной, а дневники, конечно, пропали бы навсегда. Но помогли обстоятельства.

Как раз в это время, летом 43-го, мы находились на отдыхе в одном украинском селе. Постирались и развесили мокрую одежду на плетень. А тут бомбёжка. Хата горит, плетень тоже загорелся, и вся одежда наша, конечно, сгорела. Осталась у меня одна полевая сумка, с которой я даже голый не расставался.

Пока старшина после бомбёжки искал нам одежду, решил написать домой письмо. Ну и написал в письме: «Лежу голый...». На следующий день вызывает меня особист капитан Трусов: «Ты почему пишешь в тыл, что в армии ты служишь голый?». Я ему все объяснил. Тогда он говорит: «Мне стало известно, что ты ведёшь какие-то записи. Где они?». Если, думаю, буду отпираться, всё равно дознается и арестует меня. Решил сознаться, а потом «чистосердечно» сообщил, что тетрадь сгорела вместе с одеждой под тем плетнём. Особист поверил и больше не приставал.

Не думал я тогда, что Трусов вспомнит о моём дневнике через два года, уже после войны. В июне 45-го долечивался я в харьковском госпитале. Точнее, это был совсем не госпиталь, а какой-то техникум. Раненых и искалеченных тогда столько было, что нас размещали во всех школах, техникумах, институтах... Однажды, во дворе встречаю капитана Трусова, на костылях, без ноги. Обрадовался он мне как родному: «Гриша, мне с тобой поговорить надо. Нет ли тут укромного местечка? Выпивку беру на себя».

Была у меня тогда кралоушка Маруся. Пошли к ней на квартиру. Выпили. И когда остались наедине, он мне предлагает: «Посвидетельствуй в том, что во время боёв ты видел, как я поднимал солдат в атаку... И вот, когда в очередной раз я поднимал роту или, нет, лучше батальон – как меня ранило в ногу». Я ему: «Какая атака? Когда поднимал? Я ничего не видел. Тем более, что меня ранило раньше, чем вас...». «Да кто будет разбираться, раньше или позже. Главное, что ты видел и можешь подтвердить».

Тогда я подумал, что Трусов говорит всё это несерьёзно, по пьянке. Он правда сильно пьяный был. Но через два дня снова нашёл меня в техникуме: «Ну как, подтвердишь?..». Как я мог подтверждать, если встречался с Трусовым только в штабе полка, а на передке его ни разу не видел. Вот тогда Трусов и вспомнил про мои дневники. И так мне стало подло на душе.

Если бы ни рана на спине, брызнул бы я ему, чтобы костыли в разные стороны... У меня это не задерживалось. В общем, послал его, на том и расстались. Но, очевидно, Трусов никуда не докладывал о моих дневниках, потому что ни в госпитале, ни потом никто меня по этому поводу не вызывал.

Когда меня ранило в последний раз, под Берлином, тетради остались у Амоса Шитикова. После того, как погиб Шитиков, они оказались у Роговского Мишки – водителем у нас служил. Он-то мне и написал в госпиталь, что они у него. Я как вылез, сразу поехал к Роговскому в Донбасс, забрал тетради и переправил их брату Павлу, который в то время служил на флоте в Севастополе.

О нашем разговоре с капитаном Трусовым в харьковском госпитале я не забыл...

Учёба в тылу

И вот первая страница дневника.

«11 Сентября 1943 г. Курская обл. с. Борысовка Сегодня я покидаю 549-й ОСБ в котором прослужил с 1941 г. 25 мая Жаль розтаваться с друзьями с которыми прошол с Польши до Волгы А особенно жаль земляка Скицкого Мишку. Все нас провожали со слезами на глазах хотя никто и неплакал С Мишкой я простился в санчасти так как он не смог выйти меня проводить он больной бледный как свеча. Я пян ели на ногах держусь барахло гоню На сегодня все машина ожыдае».

(Текст дневника воспроизводится с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Встречающиеся в тексте многоточия – там, где более трёх точек, – это не редакторские сокращения, эти точки также воспроизведены по оригиналу. Только троеточие будет означать невосстановленный текст дневника.-В.М.)

– Чтобы объяснить, почему перед войной я попал в этот необычный 549-й отдельный сапёрный батальон, рассказ надо начинать с дедовских времен.

Отец мой Тимофей Павлович Лобас из кубанских казаков. А мать Гликерия Алексеевна из иногородних. Её отец Алексей Алексеевич Беспалько был красным партизаном. Когда в 1920 году в станицу пришли десантировавшиеся в Приморско-Ахтарской станице улагаевцы, кто-то из местных казаков, которые не любили иногородних, выдал деда. Его повесили. Сейчас во дворе нашей гривенской школы стоит памятник, на котором высечены фамилии 13-ти партизан, казнённых в 1920 году улагаевцами. Первая фамилия на памятнике "А. А. Беспалько". Мой отец часто жалел, что не успел спрятать тестя в плавнях.

А позже в нашу семью пришла ни одна смерть. Из девяти детей нас выжило четверо – только те, кто родился до 1928 года. Остальные померли в "изобильные" сталинские годы от голода. И когда в 37-м отца арестовали, никто не вспомнил, что он из семьи красного партизана, что у самого бригадира гривенского рыбколхоза умерло пятеро детей. Какой же он враг народа?

В ту ночь арестовали и его родного брата Павло Павловича Лобаса, тоже бригадира рыболовецкой бригады. А наутро – ещё троих их братьев. Вырубали род под корень. Всего за два дня из Гривенской забрали человек 200 – станица и тогда уже была большой. За что забрали и куда их увезли, никто не знал. Только перед самой войной в станицу приезжал представитель прокуратуры и сообщил матери: «Ваш муж осуждён без права переписки». Мать спрашивает: «На сколько лет?». Ответ был такой: «На много, так на много, что можешь снова выходить замуж».

И только в годы первой реабилитации, после смерти Сталина, мы получили официальное извещение о том, что «Тимофей Павлович Лобас умер в 1944 году в тюрьме от кровоизлияния в мозг». Какая же это реабилитация?..

После ареста отца мне было очень трудно. И не потому, что пришлось бросить школу и идти на Азов рыбачить. Я стал сыном «врага народа». Местные активисты мне издали кричали: «Враг народа! Враг!..Враг!..». Многие не здоровались, не разговаривали. Затравили меня как волка. Вот тогда я и научился без спросу бить по морде.

В армию со своими сверстниками не пошёл. Как сына «врага народа» меня не брали до особого распоряжения. И взяли только в марте 41-го. Но таких, как я, в боевые части не направляли. В Новороссийске из нас сформировали этот особый 549-й сапёрный батальон.

Процентов на тридцать батальон состоял из чеченцев. Было в нём много немцев, эстонцев, греков... В общем, все – «опальные стрельцы».

– *Почему «прошёл с Польши до Волги»?*

– Западные области Украины, присоединённые в 40-м году, тогда называли Польшей. Местные жители так и говорили: «Наша Польша». 8 июня наш батальон выгрузился на станции Ожени, это километрах в 120 западнее Шепетовки. Жители встречали нас хорошо. Была как раз троица. К нам подходили разнаряженные в национальные одежды украинцы, поздравляли с праздником, угощали.

Но вскоре всё резко изменилось. В то время ходили слухи, что ожидаются крупные маневры. Это чепуха, что мы не готовились к нападению немцев. В июне нагнали в Западную Украину тучи войск. В каждом селе стояла часть. Особенно много было кавалерии. В то же время призвали на службу мужчин из местных областей, что вызвало бурное недовольство местных жителей.

Когда потом мы в беспорядке отступали и встречали группы этих мобилизованных западноукраинцев, они нам говорили, что своих комиссаров они уже «забили». Если же встречали русских, как они называли нас «москаль, курва засрата», они их тут же убивали. А нас, кубанцев, спасал украинский диалект – «польща» принимала нас за жителей восточной Украины. С тех пор мы, кубанцы, старались держаться вместе. В этом же сапёрном батальоне провоевали два года, поэтому и расставались со слезами. Земляк на фронте был роднее родного брата.

– *Почему пришлось расставаться? Куда вас провозжали?*

– Тогда приехали в наш батальон «покупатели», агитировали в разведку. Но не всех. Вызывали по одному, кого укажет командир роты. Я сразу согласился. Тогда в 234-й фронтовой запасной полк кубанцев попало немало. Однако впоследствии я остался только с одним земляком – Гришкой Ляхом из станицы Ивановской.

– *Гришка Лях и Мишка Скицкий тоже были сыновьями «врагов народа»?*

– Лях нет, а Скицкий да. С Мишкой мы выросли в одной станице. Он так и прошёл всю войну в этом батальоне, который уже после первых потерь и пополнений перестал быть «особым». На фронте Скицкий стал коммунистом – ему удалось скрыть, что он сын «врага». О вступлении в партию мы с ним говорили не раз. Но я отказывался: «Знаешь, Мишка, скрывать что-нибудь – подлое дело. Как бы нам потом не было то же самое, что нашим батькам...».

Закончил войну Скицкий на Японском фронте, имел много наград, даже такой редкий в военное время орден, как «Знак Почёта». Вернулся в Гривенскую, был рыбинспектором, потом капитаном сейнера. А когда партийным властям стало известно о его «вражьем» прошлом, Мишку вызвали в райком. Приехал он туда выпивши и бросил партбилет на стол: «Раз мои боевые заслуги для вас ничего не значат, то и эта книжка для меня теперь тоже ничего не значит...». Спасло Мишку то, что времена уже были хрущевские, да старый его друг директор рыбзавода помог. Отделался только исключением из партии. Но до пенсии доработал капитан-бригадиром. Умер в 1986 году.

«12 сентября Прибыли в новую часть 234-й Ф. З.СП (фронтовой запасной полк. – Г. Л.) в село Красная Яруга и ночью здесь в одной вдовушки у которой вшей набрался столько что я за всю солдатскую жизнь не видел больше примерно 1000000 было.

13 сентября Идем в село Святославку – 5 кл. от Красной Яруги шли целый день Через каждые 200 метров прывал и сплошная пьянка Прышли к вечеру и меня направили в мин-бат (миномётный батальон.-Г.Л.) з другом Ляхом с ним же в эту ночь попали на губу».

– Почему так много пили?

– О, солдат не упускал ни одну возможность выпить. Какие ещё радости ему на этом свете оставались? Тем более, когда ушёл с передка. Всё, что было на передке – грязь, холод, кровь, смерть – всё заливали водкой. Больше нечем душу согреть. А ведь от передка далеко не уйдёшь. Может статься, что завтра уже не выпьешь – и твою долю разделят на других.

– Почему попали на «губу»? Что из себя представляла фронтовая гауптвахта?

– В 234-м запасном полку нас с Ляхом направили в учебный миномётный батальон. Мы, конечно, не думали начинать учёбу здесь с гауптвахты. Но такая вышла история. Вечером этого дня надо было своё солдатское барахло сдавать в «вошобойку» – так мы называли дезинфекционные камеры. У Ляха новая шинель, которую из «вошобойки» уже не получишь, поэтому он отказался её сдавать. А дезинфектор стал силой отнимать. Началась потасовка. У меня для хорошей драки все данные были: сила, рост, а главное опыт – в станице с 37-го хорошую школу проходил. Тут я Ляха быстро отбил. Нас двоих посадили в курятник – это и была фронтовая гауптвахта. А на передке гауптвахт не было.

«14 сентября Жарю вшей которых набрался в Красной Яруге Жаричка проходит с успехом и я возвращаюсь без автоматчиков».

– Ночь провели в курятнике на холоде и помете. Конечно, без сна. Теперь пришлось уничтожать вшей без «вошобойки», на костре, чем всегда занимались на передке. Выворачиваешь одежду наизнанку и держишь над прогоревшим костром. Не над пламенем, чтобы не сжечь, а над жаркими углями. Главное, надо хорошо прожарить швы. И если слышишь потрескивание, значит они, подлые, жарятся.

Конечно, это дезинфекция примитивная, но в основном ей спасались. Летом клали одежду на муравейники. За несколько минут муравьи растаскивали всех вшей. На передке, если позволяли условия, этим занимались чуть ли не каждый день. Какая баня под пулями, да под снарядами? Поэтому бельё не снимаешь с себя, пока оно на тебе не порвётся. Правда, старшина иногда привозил смену. Но менять никто не хотел, потому что перед отправкой на передовую всегда выдавали новое бельё, а на смену привозили застиранное рваньё.

На вшивость проверяли регулярно. Рубаху на спине заворачиваешь, подходит санитарка и смотрит в основном швы под мышками. В затишье на передке, бывало, организованно варили вшей. Ставили на огонь бочку из-под бензина, кипятили в ней воду, а перед тем, как бросить в бочку бельё, каждый связывал своё тугим узлом – чтобы не потерялось. У кого бельё было подлое, тот бросал сразу. А потом, когда бочку с этим грязным, вонючим варевом опрокидывают на траву, все набрасываются как озверевшие собаки, и каждый спешит палкой вытащить своё, чтобы кто-то не умыкнул. Случалось, эти палки и по головам ходили. Зато потом смеху было. Бельё-то сварено грязным и после этого не постирано. Надевали его как маскхалаты – оно становилось пятнистым.

«15 сентября Хоз день строим нары а под вечер часть ребят отправляют на фронт».

– А каким был фронт в июне 1941-го? Первый бой? Первая кровь? Первая смерть?

– Первая смерть, которую я увидел, глупая. 22 июня или, может, днём позже был отдан приказ: из расположения части не отлучаться. А нашему полковому военврачу зачем-то понадобилось в соседнее село. На улице встретил его патруль. Он через плетень и убежать. Солдат выстрелил. Пуля попала в позвоночник, и сразу наповал. Не понимал я иных наших. В своего же, да в безоружного пулянет, не задумываясь, как в мишень. А в немца долго целиться будет...

Война началась для меня первым боем 27 июня. Ночью с 21 на 22 июня слышали в отдалении стрельбу, видны были зарева. Никакого значения этому не придали. Все думали, что начались маневры, о которых так много говорили накануне. В пять или в шесть часов утра 22 июня нашу роту построили, и командир роты Кравченко объявил: началась война. Хотя от командования не поступало никакой информации. Наш ротный Кравченко к такому заключению пришёл сам и сделал объявление о начале войны без чьего-либо позволения.

Мы доверяли своему ротному. Он финскую прошёл. Запомнились его слова: «Знаете, почему победили в этой войне? Да мы своих бойцов положили больше, чем в Финляндии жителей. Все огневые точки солдатскими телами закрыли».

Какая была первая реакция? Я бы сказал, спокойная. Между собой говорили: «Ну что, хлопцы, воюем? – Воюем...».

В этот день нам выдали по пятнадцать патронов к нашим трёхлинейкам, ещё и предупредили, чтобы все стреляные гильзы сдавали старшине. А когда стали отступать, уже многих потеряли убитыми и пленными, все смешалось, мы сутками оставались голодными. Однажды солдат наш, помню, Сашкой его звали, такой шустрый, пронырливый, решил зайти в село, выпросить хоть какой еды. А в селе его патруль поймал: «Откуда ты?». Сашка отвечает: «Немцы нас разбили, есть нечего...». В комендатуре, куда его отвёл патруль, на Сашку набросились: «Откуда немцы?! Ты что, спятил?! Паникёр, трус!».

Первое официальное объявление о войне мы слышали, когда всю уже бежали на Восток. На одной танкетке была включена рация, танкисты выставили шлемофон с наушниками. По радио выступал Сталин. Если бы не Кравченко, первый бой пришлось бы принять, не зная о том, что началась война.

Не называя войну войной, а лишь «боевыми действиями», политруки в первые дни стремились поднять наш боевой дух. Часто собирали нас на беседы и выкрикивали, что на одном направлении наши войска продвинулись на 150 километров, на другом – ещё больше. Но мы им не верили. Через нас шли в тыл раненые. Они говорили правду.

А первый бой случился около станции Ожени, рядом с аэродромом, строительство которого наш 549-й отдельный сапёрный батальон уже заканчивал. На него и приземлились с десантом большие немецкие самолёты. И кстати, весьма необычным способом. У каждого под крыльями были прицеплены маленькие танкетки на колесном ходу, которых я потом никогда не видел. Вооружена такая танкетка одним станковым пулемётом, а броневым щитком прикрыт только механик-водитель. Самолёты садились на эти танкетки как на свои шасси, потом отцепляли их.

Мы в лес побежали. А танкетки и пешие немцы – за нами. Как резанули из пулемётов и автоматов. Мы сразу попадали. Немцы что-то орут, стреляют, а среди наших тишина. Никто не крикнет, не ойкнет, как вроде бы никого ещё не задело. Тут командир роты Кравченко кричит: «Хлопцы, не бойтесь, он разрывными стреляет». А разрывная пуля в лесу солдата редко доставала. Она как за первую веточку зацепится, так сразу разрывается. Поэтому нас только корой обсыпало.

В общем прижали немцы нас огнём в этом лесу. И пошли на нас в полный рост. Мы лежим. Кто в ямке, кто за кустом. А стрелять боялись, да и винтовки не у всех были. Думали,

если стрелять в них будем, они потом дознаются, кто стрелял, и тогда уж точно не пожалеют, убьют. Отбиться – и мысли не было. Мы видели, что пришла сила, против которой с трёхлинейкой да саперной лопатой не погрёшь.

Заходят в лес, как к себе домой. Кричат: «Рус швайн!» («русские свиньи») и пинками поднимают наших солдат. Их винтовки тут же об деревья разбивают. Собрали немцы наших по лесу человек триста. Остальным, в том числе и мне, удалось убежать в глубину леса. Построили пленных в колонну – впереди танкетка, сзади танкетка – и ходом погнали к станции. Кто падал, раненый, обессиливший или просто споткнулся – подниматься уже не давали. Стреляли или давили танкеткой.

В этой колонне бежал и мой земляк, гривенский Василь Махно. Рассказывал потом: когда близко до опушки были, сосед толкнул его плечом и говорит: «Давай в лес!!!» и побежал. А Махно не решился. По тому солдату застрочили немецкие автоматы. Он упал. Махно думал, всё, убили парня. Вдруг он поднимается, весь окровавленный. Все видят, что у него перебито горло, оттуда фонтаном кровь хлещет, а он бежит назад, догоняет колонну. Жутко было смотреть. Казалось, мертвец за нами гонится...

Эта колонна вскоре наткнулась на нашу засаду. Отбили всех пленных.

«16 сентября Меня направляют учиться в полковую школу где протекает остальное время до 27 сентября Подем в 5–00 занятия до 9–00 вечера отбой в 9–30 Я падаю как сноп и сплю до 5–00 не переворачиваясь с бока на бок Учения в меня идут с успехом».

– В полковой школе готовили младших командиров артиллерийских разведотделений. В мирное время такая учёба рассчитана на семь месяцев, а нас готовили за два. Учились засекать цели в дневное и ночное время, определять расстояния до цели без приборов, пристреливать цели, скрытно проникать в расположение противника, брать «языка». Учителями нашими были те, кто боялся попасть на передовую. Они насаждали строгость и муштру, чтобы оправдать своё место в тылу. Многое нам просто было непонятно. Например, зачем тренировать подход и отход к командиру, если на передке мы никогда и руки к пилотке не поднимали. Там, если уж в голову не попали, то в поднятую руку попадут.

Такие школы действовали всю войну. Воевали одни, а учили другие.

«28 сентября Получаю задачу достать лошадей во чтобы то ни стало гдеб не было ато иначе мат-часть придется на горбу таскать Я эту задачу выполнил с успехом в троём я Шаповалов и Чорный достали пару лошадей».

– *Что означал странный приказ «достать лошадей»?*

– Только одно – украсть. Без лошадей миномётчикам худо, ибо всю матчасть – тяжёлые стволы и станины, боеприпасы – всё пришлось бы тащить на себе. И вот что мы сделали. Нашли конюшню. На дверях амбарный замок, а ворота, в которые выводят лошадей, заперты изнутри на засов. Ребята приподняли крышу, я пролез, открыл засов и вывел двух лошадей. Чьи они, мы тогда не разбирались.

Таких приказаний «достать» было много.

«29 сентября Поход идем по 30 км. в день это очень тяжело ночуем в открытом поле Я без шенели в одной гимнастерке и приходится целую ночь не спать а днем идем без конца на Запад Я это вже второй раз иду в Польшу. Поход продолжается

до 8 октября идем через город Лебедин Ромны и останавливаемся в городе Прилуки где продолжаем учения».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 19 сентября 1943 года:

«На Киевском направлении наши войска продолжали развивать успешное наступление и, продвинувшись вперёд от 15 до 20 километров, овладели городами Прилуки, Пирятин, Лубны, Хорол...» (т. 5, с. 137)

(Здесь и далее сводки Совинформбюро цитируются по изданию «Совинформбюро, Москва, 1944–1945 гг.», в 8 томах).

– Почти всегда приходилось ночевать в поле, потому что деревни все были выжжены. Всё, что не сгорело во время боёв, пожгли немцы. А почему без шинели? В школу мы пришли в своих сапёрных бушлатах. Хорошие были бушлаты. В первый день нас построили и раздаётся команда: «Снять бушлаты и положить на землю». Сняли, положили. Следующая команда: «Три шага вперёд. Напра-во. Шагом марш!»... Так одевали тех, кто был на передовой. А в тылу оставались в одних гимнастёрках. Поэтому в Прилуки мы шли раздетыми.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 29 сентября 1943 года:

«На Киевском направлении наши войска, сломив упорное сопротивление противника, ... вышли непосредственно к реке Днепр перед городом Киев. Остатки разбитых немецких войск отброшены на правый берег... За несколько дней ожесточённых боёв по ликвидации передост-ных укреплений противника в районе Дарницы наши воска уничтожили более 6000 вражеских солдат и офицеров, 69 танков и 78 орудий.

На Гомельском направлении наши войска, продолжая развивать наступление, продви-нулись на отдельных участках вперёд от 6 до 10 километров... заняли свыше 170 населённых пунктов.

На Могилёвском направлении наши войска продолжали наступление и, продвинувшись вперёд от 5 до 10 километров, заняли свыше 370 населённых пунктов.

На Витебском направлении наши войска... заняли более 120 населённых пунктов». (т. 5, с. 158)

«10 октября Черниговская обл. г. Прилуки Попадаю в комендатуру в наряд патрулем и знакомлюсь с Верой артисткой прылуцкого Театра Конечно она себя назвала артисткой но она в том только артистка что может врать а работает контро-лером Но это меня не интересует А больше интересует ее водка которую она достав-ляет регулярно а курсанту нечего больше и ненадо ну и женский футляр. Но увы не совсем мне повезло в этот день С пьяных глаз я проявил себя патриотом за что попал на 10 суток губы. Я с автомата рострелял все немецкие картины которые были в Веры на квартире за что патрулю плюстителю порядка комендант и всучил 10 дней».

– В этом патруле мы были с Сидоренко и в той квартире застали пьяного лётчика. Он на нас: «Пузолазы, пошли вон!». Я ему сразу по сопатке. Лётчик за пистолет. Пистолет я у него отнял вместе с кобурой (потом сдал начальнику караула на гарнизонной гауптвахте), а самого выбросил за дверь. Потом уже дело и до картин дошло.

Сидение на губе в общем-то никак не отражалось на службе солдата, потому что это нигде не фиксировалось. Наверное, на войне не было солдата, который бы не сидел на губе.

«До 20 октября сижу на губе Кормят хорошо ребята свои носить все что им подруку попадет Мне даже нехочется выходит с губы так как мне эти строевые заня-

тия надоели 15 октября мне принесли передачу хлеб сало табак и пол литры и письмо от Веры Она пишет что она очень беспокоится зато что я на губе мол я же виновата в этом и прошу простить Я правда и не накладывал на нее никаких взысканий но за водку прощаю все в конце письма пишет целую крепко после этого мне зделалось очень кисло во рту и я порвал письмо водку выпил за кубанских девушек».

Из оперативных сводок Совинформбюро за 19–20 октября 1943 года:

«Севернее Киева и южнее Речицы наши войска вели бои за расширение плацдармов на правом берегу Днепра. В городе Мелитополь продолжались уличные бои. «Немецкая пехота, усиленная танками и самоходными орудиями, стремилась вернуть потерянные накануне позиции. Наши войска отбили двадцать контратак противника».

«За время оккупации Харькова... массовые убийства производили команды палачей под названием «СК-4А» и «ЭК-5». 2 января 1942 года фашистские людоеды согнали многотысячную толпу жителей: стариков, женщин и детей – к Харьковскому тракторному заводу, где заранее был вырыт и заминирован огромный ров. Гестаповцы и полицейские из команды «СК-4А» в этот день убили 14 тысяч ни в чём не повинных жителей. В феврале того же года немецкие звери применили машину «душегубку»... С февраля и до 12 июня 1942 года гитлеровцы ежедневно отравляли газами в этой машине мирных жителей Харькова. В конце февраля во время одного «рейса» машина на дороге испортилась и остановилась на Московской улице. «Душегубку» на буксире доставили в гараж для ремонта. Когда открыли дверь машины, рабочие гаража увидели, что она набита трупами. Распухшие лица мертвецов были искажены до неузнаваемости. Видно было, что люди умерли в страшных мучениях». (т. 5, с. 191–192)

«3 20 по 5 ноября Занимаюсь без всяких приключений на отлично получил благодарность от командира полка. Почти каждую ночь хожу к Вере она все прибрала замазала те стены которые подверглись обстрелу во время моего знакомства с ней и забыла. И все хочет узнать мой домашний адрес я ей дал адрес только какой то Севастопольский где я сам никогда не видел Водяга всегда в нее есть за что я ее и люблю»

Из оперативных сводок Совинформбюро за 21 октября – 5 ноября 1943 года:

В период с 21 октября по 5 ноября наши войска овладели городами Мелитополь, Днепрпетровск, Днепродзержинск, Генчиск, Каховка, Скадовск.

«Немцы придавали исключительно важное значение удержанию города Мелитополя и рубежа обороны по реке Молочная, как последней позиции, запиравшей подступы к Крыму и нижнему течению реки Днепра. Об этом свидетельствует тот факт, что офицеры на этом участке фронта получали тройной оклад жалованья, а все солдаты награждались железными крестами». (т. 5, с. 197)

«Пленный командир 2 батальона 580 полка 306 немецкой пехотной дивизии Георг Гоффман рассказал: «Прорыв немецкой обороны на Днепре произвёл переполох в офицерских кругах. Многие офицеры считают, что это поражение немецкой армии по своему значению и по своим последствиям можно сравнить только со сталинградской катастрофой».

1 ноября «на Перекопском перешейке наши войска стремительным ударом опрокинули противостоящие части противника, преодолели Турецкий вал и прорвались к Армянску. Таким образом, пути отхода по суше для войск противника, расположенных в Крыму, отрезаны нашими войсками».

«Жители станции Пилинково, Краснодарского края...рассказали о зверствах немецко-фашистских захватчиков: «...Фашистские изверги убивали мирных граждан, насиловали жен-

щин и девушек... Немцы устроили в станице публичный дом, куда под угрозой расстрела загоняли русских девушек и женщин. При отступлении... немецкие факельщики пытались спалить всю станицу, но не успели. Подоспевшие советские войска навсегда освободили нас от немецкой неволи». (т. 5, с. 210–213)

«6 ноября Опять в комендатуре патрулем на Ленинской улице приказано всех пьяных солдат водит в комендатуру работа милиционерская которую я не люблю до гроба но все же исполняю до конца своей смены а потом ушел к Вере в которой провожу остальную ночь и весь день».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 6 ноября 1943 года:

«Сегодня наши войска иттурмом овладели столицей Украинской Советской Социалистической Республики – городом Киев». (т. 5, с. 226)

«7 ноября с выпивкой и песнями Здесь я было подсыпался к ее подруге которая как будто лутше но нечего не вышло Эта Вера начала ревновать скандал получился и эта подруга смылась мне правда сейчас безразлично но я делаю из за того что моя мужынская обязанность такая Я же не монах. Но после ее ревности я ушел пока не остынит и залег спать

22 ноября Прощай город Прылуки и Вера, сегодня нам прочитали приказ в поход и мы спешно собираемся в 8–00 выходим Прощаюсь с Верой Она плачет незнаю почему она замужем муж в армии и пишет ей писма правда она жыла с мужем всего 3 м. и выдать не поняла еще жызьни А меня она незнаю за кого посчитала ведь я не мог же на ней жениться потому что я курсант и влюбую минуту вира якори и был такой субъект Грыша и ушел в не известном курсе.

26 ноября идем по выжженным деревням и ночевать негде немец все привратил в пепел а жителей угнал в рабство идем через Гоголевку Бравары в Дарнице ночуем Завтра пойдем в Киев через Днепр Я в 41 г. переправился через Днепр совершая драп марш а сейчас гоню фрицев со своей Отчизны Смерть гадам за кров и разрушения».

– Было это примерно в сорока километрах от Киева. Картины, действительно, жутковатые. Деревни абсолютно пустые. Да и можно ли это назвать деревнями? Одни печные трубы торчат. Хотя бы какой-нибудь курятник был, и курятника не осталось. Как к деревне подходишь, ужасный запах гари. Иногда видели старух с детьми. Печь топят, и пока она топится, спят на ней. Питаются тем, что сохранилось в огородах. Стариков и женщин не видели. Всех, кто мог стрелять, немцы уничтожали. Считали, что они уйдут к партизанам. Иногда нигде никого не видно, одни дети на печи лежат под открытым небом. Смотреть на это страшно было.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 30 ноября 1943 года:

«Кровавое злодеяние совершили немецко-фашистские мерзавцы над советскими детьми в станице Гостоговской, Краснодарского края. Незадолго перед отступлением немецкий комендант станицы Гофман, его помощник обер-фельдфебель Фитлер, унтер-офицеры Штурм, Лаубе, Шульц и полицейский Багмет с группой солдат врывались в дома и силой забивали детей в возрасте до 13 лет. К утру 20 сентября фашистские изверги собрали в комендатуру 40 детей. У комендатуры происходили душераздирающие сцены. Дети плакали, кричали. Матери рвали на себе волосы. Слёзы детей не смягчили фашистских палачей. Полицейский Багмет увёз детей в станицу Старотитаровскую и сдал их начальнику немецкого военного госпиталя. Вскоре партизаны поймали и передали в руки советских властей полицейского Баг-

мета. Этот бандит на следствии показал: «20 сентября я привёз детей в станцию Старотитаровскую. Начальник немецкого военного госпиталя приказал ввести ребят в специальную комнату. Там из них выкачали кровь. Когда детей вынесли из комнаты, они были мертвенно бледны и не шевелились. Вскоре их трупы были вывезены за околицу станции».

Кровь невинных детей зовёт к беспощадной мести...». (т. 5, с. 266–267)

– А мстили наши солдаты тем же, когда оказались на немецкой земле?

– У большинства из нас такого желания не было. Не знаю, если бы сразу из-под Киева попали в Германию... Хотя встречались отдельные, такие, у кого немцы пожгли дома, уничтожили семьи. Бывало, боевых действий нет, но, вдруг, загорается дом. Оказывается, кто-то из наших солдат поджёг. Спрашиваем, зачем ты это сделал? «Мою хату спалили, – говорит, – спалю и я его...». Но такое случалось редко.

На своей территории немцы, в том числе и мужчины, чувствовали себя среди нас спокойно. Не прятались, ходили по расположению наших частей открыто. Если немец не одет в военную форму, то на него мы уже не обращали никакого внимания.

А один подлый случай запомнился хорошо. Зимой 45-го мы разбили большую группировку и долго гонялись по лесу за её остатками. Однажды днём издалека видим, как группа немцев, человек семьдесят, вышла из леса и направляется к одиноко стоящему на опушке сараю. Кто-то из наших разведчиков говорит: «Они, наверное, сдаваться идут. Надо бы как-то у них спросить...». А рядом в это время остановились на привал артиллеристы с 76-миллиметровкой. Их командир сержант отвечает: «А вот сейчас мы спросим...». И как резанул по сараю. Один раз, другой. Только кирпичи летят в воздух. Раздолбали сарай и уехали. Мы сразу побежали туда. Человек десять насмерть положил сержант. Было много раненых, искалеченных. На остальных жалко смотреть: грязные, истощённые и почти все перебинтованные. Оказалось, они, действительно, шли сдаваться.

– Что такое "драп-марш" 1941 года?

– Мы уже не отступали, а бежали. Как вечер, так команда: окопаться и ни шагу назад! В течение дня выясняется, что немцы обошли нас и справа, и слева, что мы у них уже в тылу. Поэтому вечером опять та же команда: поднимайся!.. И так все дни.

Командир 4-й роты, фамилию его не помню, всегда первый поднимал свою роту: «А ну, ребята, кто здоров ногами... Нам они ещё пригодятся». За этой ротой поднимались и другие. Бежали в сторону Козятина. За ночь пробежали по 40–50 километров. Утром входим в Козятин. На станции эшелонами все пути забиты. В основном, с эвакуированными из западных областей евреями и семьями офицеров. Появляются немецкие двухмоторные «долбачи». Прилетали всегда почему-то по 33 самолёта. На бомбёжку заходили тройками.

Страшно, что творилось. Солдат знает, что при бомбёжке надо упасть и лежать, а гражданские, кого только взрывной волной свалило, вскакивают и бегут. А их осколками сечёт. Они в основном и гибли. Куда не помотришь, везде трупы и кричащие раненые.

От сильного запаха крови многих выворачивало. К запаху крови примешивалась вонь блевотины. Дороги были забиты беженцами. Люди шли со своим скарбом, гнали коров, свиней, даже гусей. Войска шли по обочинам. Урожай немцам, конечно, не достался – поля были вытоптаны. Уходили не каждый сам по себе, а колхозами. И распоряжения такие были: всё, что можно забрать с собой, забрать, остальное уничтожить. Колхозные амбары и хлебные поля поджигались. А ведь не все могли уйти. Те, кто оставался, в том числе и партизаны, были обречены на голод.

Через Днепр переправлялись в районе Ржищева. Катер буксировал паром. Когда подошла очередь нашего батальона, заходят немецкие самолёты. Бомба попала в катер, и он затонул. Мы загрузились на паром и вёслами перегребли на левый берег. Я потом нашёл лодку, с которой, как рыбак, управляться умел, и сделал ещё два рейса на правый берег, переправил наших ребят, кто не попал на паром.

Мы тогда часто спрашивали у командиров: почему так далеко отступаем, зачем уходим за Днепр? Они не знали, что ответить. А потом политруки получили циркуляр объяснять так: надо выровнять линию фронта... Любой малограмотный солдат понимал, что это чушь. Если будем так выравнивать фронт, как от границы выравниваем, до Урала без остановки добежим.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 3 декабря 1943 года:

«Пленный солдат 866 гренадёрского полка 355 немецкой пехотной дивизии Гейнц Кальмус рассказал: «Маршевский батальон, в составе которого я прибыл в Россию, предназначался для пополнения 161 пехотной дивизии. Однако на фронте царила неразбериха. Наш батальон, отступая вместе с другими частями, долго разыскивал свою дивизию. Пользуясь замешательством, многие солдаты разбрелись кто куда. Из 900 человек осталось менее половины. В октябре стало известно, что 161 пехотная дивизия разбита... Остатки нашего батальона были переданы в 866 гренадёрский полк 355 пехотной дивизии. В течение октября 355 дивизия четыре раза получала пополнения, всего около 3000 человек. Однако маршевые батальоны, прибывавшие один за другим, не могли восполнить громадные потери. За два месяца пребывания на фронте от нашего батальона осталось всего только 40 человек». (т. 5, с. 272)

«27 ноября вот и столица Украины гордость Украины и Музей предков вот на горе стоит разрушенная Лавра которая стояла около двух тысяч лет Пираты немцы уничтожили все».

Из вечернего сообщения Совинформбюро 16 ноября 1942 года:

«В Киево-Печёрской Лавре немцы захватили документы из архива киевских митрополитов и книги из личной библиотеки Петра Могилы, собравшие ценнейшие памятники мировой литературы. ...Никто до сих пор не подозревал, что в составе германских вооружённых сил имеются специальные формирования, которым официально вменяется в обязанность грабить все культурные и исторические ценности временно захваченных стран Европы и районов СССР. Характерно, что эти подразделения существуют при германском министерстве иностранных дел, то-есть при германском правительстве». (т. 3, с. 310)

«Здесь я встречаю знакомых ребят 549-го саперного скоторымы столько прослужил Только жаль что не увидел своего земляка Мишку С. Видел мед-сестру Надю скоторой много время провел в скучные отступательные бои. Сейчас мы идем по Киеву и снег з дождем не дает ходу все мокрые уставшие ноги не подынеш Переходим подолье и идем на Куриनावку где и розквартировались Сейчас сушим портянки Хозяйка молодая но сейчас не до нее посмотрю дальше».

– Интересно, как в нашем батальоне появилась Надя. Перед самым началом войны она приехала в Ожени к своему мужу, который командовал у нас сапёрным взводом. Его убило в первом же бою, и Надя пожелала остаться в нашем батальоне медсестрой. Потом таких, как она, стало появляться много. Добровольно оставались жёны погибших командиров, к ним присоединялись другие женщины, кто потерял своих близких, не успел эвакуироваться... Набралось столько, что была сформирована отдельная женская сапёрная рота. Так же, как и мы, они работали кирками и лопатами.

«28–29–30 ноября Ходим строим нары Заделываем окна в казарме куда должны скоро перейти Немцы когда отступали все изгадили и нам приходится все налаживать С хозяйкой отношения наладил и стараюсь в свободное время прорваться на квартиру Жыву не плохо».

– Немцы умели не только жечь и взрывать, но и просто гадить, как паршивые котята. В казармах, построенных ещё в николаевские времена, они повыбивали все окна, переломали мебель, в комнатах и коридорах было насрато.

Из оперативных сводок Совинформбюро за 28, 29 и 30 ноября 1943 года:

В течение 28, 29 и 30 ноября между реками Сож и Днепр, Днепр и Березина, в районах городов Коростень, Кременчуг и юго-западнее Днепропетровска наши войска продолжали вести наступательные бои и заняли более 280 населённых пунктов, подбили и уничтожили 252 танка, сбили 154 самолёта. (т. 5, с. 262–268)

«2 декабря Переходим в казармы и прощай теплая ласка хозяйки Зои Под боками опять скрепять нары А утром подем физзарядка и становись на занятия А вечером проверка прогулка и отбой 10–30 Один раз был у Зои но за это пришлось мыть полы целую ночь».

– О том, как проходили занятия, скажем, по тактике, можно рассказать на примере одного эпизода. Занимались мы на брюквенном поле – кстати, немцы сажали брюкву для того, чтобы кормить наших военнопленных.

Команда руководителя занятий по тактике: «А ну, хлопцы, бегом на ту гору и обратно!». А всё остальное, мол, сами постигните на фронте. И постигали. Только дорогой ценой. Своими жизнями за эту науку платили. Если пуля засвистела, значит, её не бойся, не кланяйся ей, она уже пролетела. И снаряд так же. Когда далеко летит, звук похожий на клочкотание. А как «ти-у-у-у», то сразу пластайся, он упадёт где-то тут. Это много значило. Если вовремя не упал на пузо, не убьёт, так ранит.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 2 декабря 1943 года:

Между реками Сож и Днепр наши войска заняли ещё более 80 населённых пунктов. В районе реки Припять – 8 населённых пунктов.

«В Минске немецкие военные власти создали несколько специальных команд для уничтожения могил в окрестностях города. Команды вскрывают многочисленные ямы, в которых похоронены тысячи загубленных немцами советских граждан, извлекают трупы, обливают бензином и сжигают их. Советские граждане, которых немцы под угрозой оружия заставили производить раскопки могил, были убиты, а их трупы также сожжены. Тем же заняты немецкие военные власти и в гор. Орше». (т. 5, с. 269–271)

«9 декабря Зачеты и выпуск. Мне присвоили звание Сержанта. Ребят всех забрали на передовую а меня и моего друга Ляха оставили учить молодые кадры Простились с ребятами грустный день был хотя и был полковой оркестр ребята все танцевали а я и Лях были не себе что остаемся с далдоном старшиной Кабыкой».

– Кабыка – не единственный в своём роде зверь-старшина. Это был тип тылового старшины. Причём, среди них почему-то чаще всего встречались украинцы. Если в роте старшина украинец, то там всегда устанавливалась жестокая дисциплина. Я таких встречал много. Они

всегда лезут не в своё дело, считая себя первыми наставниками и учителями. Стремилась доказать свою незаменимость на этом месте.

Кабыка готов был на любую жестокость по отношению к солдату, лишь бы его на передовую не послали. Такие были патриоты... Провести ночь с половой тряпкой за какую-нибудь чепуховую провинность – это у Кабыки было самое мягкое наказание. А так запросто по морде можно было получить.

Били солдат тогда часто. Особенно на передке. Там другого наказания не могли придумать. Видел однажды, как командир танкового полка так залепил одному танкисту, что тот потерял сознание. Зачем, спрашивается, командиру танкового полка носить за голенищем сапога казацкую нагайку? Били арапником. Помню, был такой случай. Разведчики бросили на перекрестке без присмотра свою машину, а в это время туда выскакивает на танке командир нашей 1-й танковой бригады Горелов. «Чья машина? Кто старший?». Нашли младшего лейтенанта. Он, как положено по уставу, стал докладывать комбригу, а Горелов, не слушая его, достаёт нагайку и давай хлестать младшего лейтенанта. Тут бегут разведчики: «Хлопцы, нашего командира бьют». Тр-р-р... Короткая очередь из автомата, и нет Горелова. Разведчиков было человек тридцать... Тогда так и не дознались, кто стрелял. Младшего лейтенанта потом повесили, а нескольких человек из этой группы расстреляли. Это было на 1-м Белорусском фронте, в Германии.

Да, когда старший бил младшего, тот не всегда подставлял другую щеку. Дождался своего и Кабыка. Однажды мы с Ляхом спустили его со ступенек второго этажа. За это старшина пообещал нам штрафную роту. И когда после выпуска все ребята уходили на фронт, а нас с Ляхом оставили в полковой школе, ясно было: Кабыка хочет с нами разделаться. А тут узнаем, что немцы где-то прорвали фронт. В таких случаях обычно многие тыловые части срочно бросали на передовую. Ну мы с Ляхом подходим к Кабыке и говорим: «Скоро мы с тобой, собака, по другому поговорим». После этого Кабыку словно подменили. Мне кажется, я бы его всё-таки не тронул, на чертей он мне сдался. А Лях, наверно своё обещание выполнил бы. Отчаянная голова. И таких отчаянных на фронте много было.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 9 декабря 1943 года:

«Пленный обер-ефрейтор Франц Павлик рассказал: «В середине сентября во Франции из солдат различных частей был сформирован особый батальон, который назвали по имени командира Вестенбергера. В батальоне было шесть рот. Вскоре мы выехали на Восточный фронт. В первых же боях наша рота потеряла 80 человек, а через две недели батальон «Вестенбергер» перестал существовать... Уезжая из Франции, мы знали, что нас ожидает в России, и понимали, что потери неизбежны. Однако никто не предполагал, что батальон будет разгромлен в такой короткий срок. Я попал во вторую роту 73 полка. В течение нескольких дней в полку шли приготовления к атаке. В назначенный час началась артподготовка, но русские открыли такой ответный артиллерийский огонь, что никто из нас не посмел высунуть голову. Офицеры, угрожая нам пистолетами, гнали в атаку, но они не могли никого поднять. Когда русские ворвались в наши окопы, я вместе с другими солдатами сдался в плен». (т. 5, с. 281)

«24 декабря Кантуемось. Ходим по городу ничего не делаем. Ночую каждую ночь в Зои правда немного мешает ее сестра которая приехала с Харькова».

– К безделью относились так: случай тебе сегодня выпал – живи на полную катушку. Потому что завтра ты можешь быть мёртвым. Хотя долгое и вынужденное безделье сильно угнетало. А в целом на фронте напряжение накапливалось. Иногда ни с того ни с сего начинало вдруг трясти, как в лихорадке. К концу войны я стал совершенно невыдержанным. Ещё

долго и после войны, бывало, кто накриво мне скажет, без всяких разговоров сразу по сопатке. Особенно, если похваляется, мол, я тебе сейчас дам. Так я не ждал, когда меня ударят, а бил первым. Потом говорю: не обижайся, сам же похвалялся.

«25 декабря Меня и Ляха переводят в маршевую роту Дали нам оделения по 25 чел. молодых ребят 25 года все почти земляки с Кубани но з далеких р – нов прыбыли 105 ФЗСП Занимаемся тактикой строевыми. Песни поют хорошо и это мне напоминает родную Кубань».

– Маршевые роты формировались из тех, кого скоро должны отправлять на фронт. Так что, Кабыка отступился... А пели часто. И не только для себя. Если во время занятий строевые песни не поёшь, гонять тебя будут дольше. Когда строй проходит мимо дома или мимо казармы, где живёт командир роты, должны обязательно проходить с песней. А после проверки, во время вечерней прогулки, старшина всегда ведёт туда, где живёт командир роты. Иногда такое паршивое настроение и так не хотелось петь. Хоть сквозь слёзы, а всё равно запевали.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 26 декабря 1943 года:

«На днях войска 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Ватутина перешли в наступление против немецко-фашистских войск, расположенных южнее Радомышль, и прорвали фронт противника протяжением около 80 километров и в глубину до 40 километров...

За три дня наступления нашими войсками освобождено более 150 населённых пунктов и среди них город Радомышль...

В боях разгромлены четыре танковых дивизии немцев, в том числе танковая дивизия СС «Райх» и шесть пехотных дивизий.

Уничтожено немецких танков – 159, орудий самоходных – 39, бронемашин – 52, орудий разного калибра – 109. Противник оставил на поле боя убитыми до 15000 солдат и офицеров». (т. 5, с. 304)

«Вечер перед Новым Годом все собираются встретить Новый год с новыми успехами и в 44 г. окончательно разгромить врага и вернуться домой с полной победой».

– Действительно верили, что в 1944-м году должна закончиться война?

– Да, верили. Если бы покушение на Гитлера удалось, так бы и было. В это верили все солдаты. Как себе победу представляли? Конечно, должны дойти до Берлина. И нам это всячески внушали. На самом деле, мы с разгону не только до Берлина, а чёрт его знает куда добежали бы. Если за сутки от Берлина до Праги добрались, то можно представить, куда бы могли махнуть.

«Мое отделение работает на кухне а я думаю уйти на квартиру к Зои время выходное Я в наряде и могу отлучится часика на два пропустить грам 500 для пробы в честь нового года Но получилось совсем не так Во время бомбежки одна бомба упала возле кухни и убила з моего отделения 3 чел. 5 ранено А мне всю грудь шенель и гимнастерку сорвало осколком и стеклом руки и лицо побило Котлы все перевернуло вверх дном А повара ошпарило кипятком Я остался жив и думаю что это мне сюрприз перед Новым годом Кончился 1943 год – 1944 год».

– Случилось это перед вечерней поверкой. На кухне как раз начинали готовить завтрак. Солдаты из моего дежурного отделения подвозили на санках воду и тут же, рядом с кухней, рубили дрова. Слышим, высоко летят немецкие самолёты. Мы знали, что они идут бомбить мост между Дарницей и Киевом. А над нами немцы сбросили всего одну бомбу. Упала она между нашим строем (уже началась вечерняя поверка) и кухней. Когда после взрыва мы увидели, что кухня разрушена, Лях сказал мне: хоть каши достанется, и тут же скрылся в клубах пара. Набрать кашу не во что было, так он в вещмешок ее наложил.

Во время взрыва меня вроде бы кто-то за грудки схватил. Я даже хотел крикнуть: «Куда ты меня тянешь?». Разбросало всех. Казарму нашу не разрушило, но стёкла вместе с рамами повывлетали. Всех нас засыпало стеклом. И та каша, которую Лях под сурдинку успел набрать в вещмешок, оказалась тоже со стеклом. Но он нас успокоил. Это, говорит, только сверху. Верхний слой выбросил, остальное мы съели.

В этом был весь Лях. О таких говорят: пройдоха. Если в окружности 20 километров есть корова, за ночь Лях молока принесёт. Молоко очень любил. И когда шёл искать корову, направление всегда выбирал безошибочно. Ляху везло. За всю войну ни разу ранен не был. Служил он командиром 120-миллиметрового миномета. Однажды его миномёт немецкий «Тигр» раздавил. Я уже попрощался с другом, хотел письмо его матери в станицу Ивановскую писать, когда Роговский мне говорит: «Твой земляк живой, только что видел его...». Тогда миномётную батарею, в которой служил Лях, немцы проутюжили всю. Почти никого в живых не осталось. А Ляху удалось убежать от «Тигров» и спрятаться под снесённой с церкви крышей. Там он и переждал весь бой. Неправду говорят, что если солдат на фронте ранен не был, то так, мол, он и воевал. Лях был отчаянный хлопец. Да и многих таких, кто за всю войну ранен не был, я лично знал.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 27 декабря 1943 года:

«Пленный солдат, шофёр штабной роты 172 полка 75 немецкой пехотной дивизии Вальтер Эссимюллер рассказал: «Русские нанесли нашей дивизии огромный урон. Мне приходилось перевозить сотни трупов солдат и офицеров, которые наскоро закапывались где и как попало... В ноябре части дивизии вновь были пополнены. Все надеялись хотя бы на кратковременный отдых, но эти надежды не сбылись. Русские неожиданно и быстро нанесли нам новый удар. Началась форменная паника. Командир штабной роты обер-лейтенант Тюнец, размахивая пистолетом, вскочил на мою машину и приказал ехать как можно быстрее. По дороге бежали солдаты и офицеры. Они стреляли по шофёрам, которые не останавливали машин и не брали их с собою. Как ни погонял меня обер-лейтенант, нам всё же не удалось далеко уехать. Кругом были русские. Тюнец пытался бежать и был убит. Я поднял руки и сдался в плен». (т. 5, с. 306)

Из оперативных сводок Совинформбюро за 27–31 декабря 1943 года:

Войска 1-го Украинского фронта продолжали успешно развивать наступление и овладели городами Коростышев, Коростень, Черняхов, Казатин, Володарск-Вольнский, Червоноармейск, областным центром Житомир, а также заняли более 860 других населённых пунктов. На этом и других фронтах было уничтожено 506 немецких танков и 72 самолёта (т. 5, с. 305–313)

1944 год

«1 января Хоронем своих товарищей и клянемся за все отомстить проклятым пиратам И они это почувствуют когда эти молодые кубанские казаки дорвутся до него Они еще помнят как их Кириченко с Кубанскими дивизиями отюжыл под Таганрогом Будет ему то самое до самого Берлина».

– Хоронили товарищей по-фронтовому без гробов. Правда, каждому вырыли отдельную могилу. Заворачивали в плащпалатку и опускали в могилу. Когда в 44-м я лежал в госпитале в Ландсберге, то видел такую картину. Умерших хоронили прямо в парке, в котором находился госпиталь. Столько было захоронений, что в парке перерыли все аллеи. Сейчас, наверное, там уже и следов от этих могил не осталось. А тогда стоял лес деревянных пирамидок со звездочками.

Окно из нашей палаты выходило на столярную мастерскую, где делали гробы и эти надгробия со звёздочками. Каждого умершего вывозили в гробу. А потом мы видели, как эти же гробы заносили опять в столярную мастерскую. Значит, в гробу только отвозили трупы. Я хлопцам говорю: «Нет, тут умирать нельзя. Иначе тебя, как собаку, зароят в землю, да ещё в чужую».

В 41-м, когда отступали, зачастую вообще не хоронили. А как было хоронить, если мы бежали с винтовками образца 1897 года, а немцы гнались за нами на танках и поливали из пулемётов. Так трупы и оставались там, где людей настигали пули.

Командир отделения разведки полка 120-миллиметровых миномётов 8-го механизированного корпуса 1-й танковой армии М. Е. Катюкова гвардии сержант Лобас Г. Т. 1944 год. (Из фронтового архива Г.Т. Лобаса)

«2 января Киев. Сегодня меня назначили в комендатуру г. Киева разводящим и мы направились на ул. Короленко 24 По дороге когда шли видели как НКВД вешали предателей родины которые работали в немцев и выдавали комунистов. Выновники 1000-чам смертей которые продали весь украинский народ Собакам собачья смерть».

– В комендатуре мы охраняли гауптвахту. А на гауптвахте, как нас предупредили, тогда сидели в основном бывшие полицаи, выловленные шпионы, изменники. Каждый день мы выводили их пачками, сажали на машину, которая ехала к разрушенной мебельной фабрике. Перед фабрикой были построены виселицы, а под ними стояли два грузовика с откинутыми бортами. Тех, кого привозили с гауптвахты, по два человека выводили на кузова машин с фанерками на груди: «Изменник Родины». Солдаты НКВД набрасывали каждому на шею петлю, машины разъезжались в разные стороны и подъезжали к другим виселицам. Каждая машина обслуживала по десять виселиц.

Никто не кричал, не просил о пощаде. Все происходило в полной тишине. Слышался только шелест, пока повешенные трепыхались в судорогах. Минуты через две-три они затихали. Вначале много людей собиралось. Потом уже никого не было.

Трупы с табличками на груди висели по-нескольку дней. Мы с Ляхом видели, как через день или два они были уже без обуви, а некоторым развязывали руки и стаскивали с них даже верхнюю одежду.

«3 января Приступили к своим обязанностям по охране комендатуры Сюда много попадае немецких шпионов которых мы хорошо прочесываем Я занимаю должность разводящего работа мне не нравится незнаю почему Моя стихия воевать в бою я без жалостный но здесь я мягко характерный это я сам по себе замечаю Буду просится на фронт».

– Что это были за шпионы, мы не знали. По крайней мере, никто из них по-немецки не говорил, все балакали по-украински. Привозили их энкэвэдэшники и предупреждали, что за ними надо смотреть особо. Хотя у НКВД была своя тюрьма. И почему этих шпионов привозили в комендатуру, а не в тюрьму НКВД, я не знаю. Из тех солдат, кто назначался их охранять, были такие, кто искал причину, иногда провоцировал на то, чтобы избивать их. Как правило, это были те, кто ещё не воевал. Вот они и «резвились».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 3 января 1944 года:

«Пленные ефрейторы Ганс Шмидт, Пауль Краузе и унтер-офицер Виллибальд Рихтер 5 роты 239 полка 106 немецкой пехотной дивизии рассказали: «Непрерывные бои обескровили нашу дивизию. В конце октября был расформирован 240 полк. В 239 полку формально числится два батальона, но эти батальоны по своей численности уступают обычной роте. От писарей штаба дивизии, переведённых на передовую, солдаты узнали содержание донесения командира дивизии генерал-лейтенанта Форста командованию 11 армейского корпуса. В этом донесении Форст сообщил, что за время с 29 сентября по 25 октября дивизия потеряла убитыми и тяжело ранеными 4.328 человек. Генерал далее указывал, что без крупных пополнений дивизия не в состоянии будет оборонять занимаемые ею позиции». (т. 6, с. 7)

Из оперативной сводки Совинформбюро за 4 января 1944 года:

«Войска 1-го Украинского фронта продолжали успешное наступление. Особенно ожесточённые бои в течение последних дней происходили в районе города Белая Церковь... После четырёхдневных упорных боёв наши войска сегодня иттурмом овладели городом и крупной железнодорожной станцией Белая Церковь... В районе Новоград-Волынский гитлеровцы приняли контратаку. Двум батальонам немецкой пехоты удалось прорваться в расположение советских войск. Наши части окружили прорвавшегося противника и уничтожили гитлеровцев. Взято свыше 400 пленных. Всего за день боёв советские войска истребили более 4 тысяч немецких солдат и офицеров...». (т. 6, с. 8)

«7 января Трамваи стали ходит с Подола на Куриневку и я ездил до Зои где и ночевал Утром 8/1 получил продукты думал ехать на Короленкову до своих ребят но трамваи не ходят Энергии нет а пешком идти кл. 8 но Зоя просить чтобы я остался еще на ноч. Но теплым приглашениям прыйдется воспользоваться и остатся еще на ноч К ней у меня как то жалость является Чорт и знает почему сам себе не могу представить. Я розулся и залез на печку на день.

10 января Пьяные матросы попали ко мне на губу их патрули привели Я с ними напился за это мне не поздоровится Нач. гаубвахты доложил полковнику коменданту и я уверен что он мне отвесит за это на всю катушку. А я все же этих матросов отпустил потому что я же тоже моряк Чорт с ним «Полундра».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 16 января 1944 года:

«ПОТЕРИ ПРОТИВНИКА И ТРОФЕИ ВОЙСК 1-ГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА ЗА ПЕРИОД С 24 ДЕКАБРЯ 1943 ГОДА ПО 13 ЯНВАРЯ 1944 ГОДА. ...Противник потерял только убитыми около 100.000 солдат и офицеров. ...Взято в плен более 7.000 немецких солдат и офицеров». (т. 6, с. 27–28)

Из оперативной сводки Совинформбюро за 18 января 1944 года:

«Захвачен в плен сын директора почтамта в Берлине командир 3 батальона 68 полка 23 немецкой пехотной дивизии Ганс Иоахим Шведе. Военнопленный рассказал: "...Уже третий год немецкие войска в России терпят одно поражение за другим. Немецкая армия истекает кровью. Однако дело не исчерпывается огромными потерями в людях и технике. Произошли роковые для Германии изменения. Теперь немецкий солдат уже утратил сознание своего превосходства над другими солдатами. Оно сменилось чувством неуверенности и страха, сознанием превосходства русского солдата над немецким. Это самый страшный удар, нанесённый немецкой армии за последнее время». (т. 6, с. 30).

«20 января вышел из гаубвахты в которой просидел 10 суток за матросов Эх «полундра» Но все же сидел за своих друзей по класу И занимаю старую должность Противная мне эта милиционерская обязанность Я подал со своим другом Ляхом рапорт о переводе на фронт Лутше буду воевать Я к войне привык по пластунски выучился еще лазить с 41 г. 27 июня».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 20 января 1944 года:

«Крымскими партизанами захвачен в плен ефрейтор 11 роты 615 немецкого полка Йозеф Вольдкер. Пленный рассказал: «Под предлогом эвакуации гражданского населения немецкие военные власти в Крыму вывозят на баржах тысячи мирных жителей в открытое море и топят их. В ночь на 7 декабря 1943 года в Евпаторийском порту специальная команда эсэсовцев погрузила на баржу большую группу советских граждан, насильно эвакуированных немцами с Кубани. Через несколько часов все эти люди были потоплены. Восьмого декабря близ

Севастополя потоплено 5 тысяч заключенных, содержащихся в городских тюрьмах гестапо. На днях по распоряжению военных властей была вывезена в море и потоплена группа раненых советских военнопленных». (т. 6, с. 34)

Дорога на фронт

«23 января наш рапорт утвержден и мы обратно по старой привычке с Ляхом чапаем в Куриневку на пересыльный пункт и отправляемся на фронт.

24 января Ночевал у Зои а сейчас меня направляют в Жытомыр старшим команды сопровождать союзников А их мне дали 137 человек а в Ляха 85 едем эшелонем а он везде помбить сегодня Я в ... и он здесь сильно бомбыл».

– «Союзники» – это мобилизованные полевыми военкоматами жители западных областей Украины.

«Моих 20 чел. удрало и тепер я буду за них отвечать Как дальше будет так продолжатся мы с Ляхом бросим этих союзников и смоимось. Эти союзники большие трусы как я вижу

26 января в Жытомыри у меня нихватало 26 чел. а в Ляха 17 чел. Мы сдали их а сами идем в Бургудию где стоит наш полк Хорошо выпивши».

– Бургундия – городок под Житомиром. Рядом с ним находился немецкий концлагерь.

«27 января Мы с другом проснулись в комендатуре в отрезвиловке куда нас затащили патрули. Просидели мы до 12 ч. а потом нас отпустили и мы прышли в свою часть 234-й (фронтовой запасной полк.-Г.Л.) где начали свою службу дежурными по роте нач-караула все ходили по нарядам к девкам нельзя было и думать А жили мы в военгородку где немцы устроили лагеря военно пленных все окутано колючей проволокой

29 января Ходили розсматривали могилы где было замучено и похоронено 75 тыс. пленных и стариков женщин и детей Даже некоторых могил ны успели и зарыть потому что земля была мерзлая. Ну пираты! Еще вам это не все поползете еще на четверенках по русской земле».

– Всё, что там я видел, до сих пор стоит перед глазами. Трупы. Трупы. Трупы. И все раздеты догола. Лежали в одной куче навалом. Ямы, куда сбрасывали расстрелянных, немцы готовили заранее и не зарывали их, пока не заполняли трупами почти доверху. Поэтому слой земли сверху был небольшим. Во время оттепелей снег подтаивал, и из этих ям вытекала зловонная жижа. Вокруг таких ям лежало много незахороненных трупов. Распознать их было невозможно, потому что лица, да и всё тело – они тоже были голые – совершенно чёрные. Мы уже знали, что так происходит с теми, кого убивают на морозе.

Под Житомиром нам рассказали, что в округе расстреляли всех евреев. А евреи там жили целыми сёлами, хуторами. Немцы никого не оставляли, всех младенцев и дряхлых стариков тоже убивали. Поля были в земляных волнах – сплошные бурты, похожие на те, в которые на зиму закапывают картошку. В некоторых местах земля в буртах оседала, и из-под неё виднелись части полуразложившихся трупов.

Когда я лежал в госпитале в Ландсберге, всех желающих из числа выздоравливающих раненых возили в Майданек. Майданек для меня – это кучи разобранной по размеру детской обуви. И кучи девичьих кос. Рассказывали, что в крематории работали те же узники, которых смерть ждала завтра. Сегодня он кого-то сжигает, а завтра его в этой же печи будет сжигать тот, кто спит на нарах рядом.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 8 марта 1944 года:

«Ниже публикуется акт о чудовищных злодеяниях немецко-фашистских мерзавцев в городе Славута, Каменец-Подольской области: «За время оккупации гитлеровские людоеды замучили насмерть и расстреляли тысячи мирных жителей города Славута и окрестных сёл. Массовые расстрелы происходили в военном городке около водонапорной башни. В расположении военного городка немцы устроили центральный сборный лагерь и свозили туда арестованных советских граждан и военнопленных с правобережной Украины. Лагерный режим был рассчитан на то, чтобы истребить как можно больше советских людей. На сутки заключённые получали немного суррогатного хлеба и мутную «баланду». Нередко заключённые по 5–6 дней подряд не получали никакого питания. В лагере свирепствовали инфекционные болезни. Больные тифом и дизентерией размещались вместе со здоровыми. Смертность среди заключённых достигала огромных размеров. От голода, болезней и побоев, а также от рук фашистских палачей погибло 12 тысяч советских граждан. Когда части Красной Армии заняли город Славута, в лагере находилось около 800 человек. Большие половины из них не в состоянии были передвигаться. Кроме того, на территории лагеря обнаружены сотни трупов заключённых, умерших голодной смертью». (т. 6, с. 118)

«2 февраля в бане мы купаемся а завтра идем в почетный караул хоронить генерал майора танковых войск который погиб в г. Ровно».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 5 февраля 1944 года:

«Несколько дней тому назад войска 1-го Украинского фронта в результате стремительного удара прорвали оборону противника по реке Горынь. Наши подвижные соединения устремились в образовавшуюся брешь, вышли к городу Ровно и... овладели областным центром Украины – городом Ровно». (т. 6, с. 60)

«6 февраля Несчастный день Пошел в деревню достать самогону но здесь мне не повезло Попал мне навстречу несчастный ком-бат спросил куда иду Я не мог даже языком повернуть за что мне обломилось пять суток а самогон вылил на дорогу За что я не знаю как я удержался чтобы не пустить в ход кулаки».

– Комбат этот был мой земляк, краснодарский. После ранения его списали к нестроевой и поэтому дали учебный батальон. Он не злобствовал, не издевался над солдатами, только попластунски нас здорово гонял. Для фронта это нужно было.

Но в каждом из нас злобы тогда накопилось уже много. Я запросто мог дать комбату по сопатке, тем более, что он был в гражданке, а я пьяный и не узнал его. Такое со мной случалось не так уж редко, за что я и страдал от командования.

Помню одного комвзвода. Месяц только на передовой, а уже горлопанит на всё поле. Ранило его в ногу, поэтому он ходил на костылях. Но продолжал орать и всё замахивался на солдат костылями. Я ему один раз так брызнул, что костыли эти полетели в разные стороны. Мне ребята говорили: угомонись, а то посадят...

Из оперативной сводки Совинформбюро за 6 февраля 1944 года:

«В сообщении Совинформбюро от 10-го января приводились показания пленного обер-ефрейтора Карла Буккем о том, что командир 106 немецкой пехотной дивизии генерал-лейтенант Форст лично поджигал на Украине жилые дома, в которых находились женщины и дети. Недавно наши войска захватили дневник генерала Форста и его приказы по 106 пехотной дивизии. В приказе об отношении к мирному населению оккупированных немцами советских районов Форст требует от солдат «беспощадного применения оружия...». Он поучает своих

подручных: «Быстрые действия чаще приводят к успеху, чем долгие размышления и запросы. Обычно нужно немедленно расстреливать... Не нужно быть мягкосердечным... Необходимо угрожать населению наказаниями и брать заложников... Немецкий солдат, независимо от своего чина, должен себя чувствовать по отношению к русскому населению господином и соответственно с этим держать себя и действовать».

Форст несомненно опытный палач, но никудышный генерал. Он растерял свою дивизию и удрал с такой поспешностью, что бросил штабные документы и даже личный дневник». (т. 6, с. 63)

«7–8 февраля Сижу на губе Лях носит мне кушать украдкой чтобы никто не узнал и написал рапорт об отправке побыстрее меня с этого пересылочного пункта в часть Мою просьбу удовлетворили и направляют в 1-ю танковую армию».

– С этого времени и до последнего дня на фронте я служил командиром отделения разведки полка 120-миллиметровых миномётов 8-го механизированного корпуса 1-й танковой армии М. Е. Катукова. В моём отделении было десять разведчиков и два радиста.

«9 февраля Получаем обмундирование и выходим в 10 часов с Жытомыра на Корсунь Шевченко Ну Досвидания Жытомыр! идем ночью темно ничего не видно склизко и сильно устали в 5 ч. утра нас завели в одну деревушку отдохнуть на 6 ч. Мы зашли к одному старыку где и упали сразу спать Через 3 ч. нас разбудил старик завтракать Пол литры на столе и мы прысосались. Выпили он еще дал и насосались до чертиков и ушли дальше сами без строя

10 февраля Мы дошли до с. Котельная где нашли баб Словом целый шалман До утра пьянствовали и бабы с нами Противные ихние рожи которые и сейчас во сну бредятся Словом я делаю вывод что женщины за войну стали слабые на передок ведь шуточка сказать что она же мне мать Было 46 лет. Я ей сказал но она мне сказала чтото прыбауткой которой я сейчас не помню».

– О бабах, которые «стали слабые на передок», один дед в селе так сказал: под немцами валялись, а теперь хотят перед нашими солдатами выслужиться...

Был такой случай. Товарищу моему Роговскому написали его родственники из Донбасса, что жена его, мол, с немцами путается. Роговский рассказал об этом нам, а потом объявил: «Я решил свою жену расстрелять...». Повесил её карточку на сосну, и все мы из своих автоматов расстреливали её. Роговский после войны домой не вернулся, а женился на другой. Новая жена вскорости заболела и умерла. После этого его нашла прежняя жена, которую мы «расстреляли». Оказалось, её оклеветали. Так он с ней и дожил до самой своей смерти.

«11 февраля розехались мы с другом Дорогой он где то вцепился на машину а я не успел и он уехал. А я на одной подводе доехал до села и пошел искать квартиру Все квартиры заняты и я остался на одной квартире где два было уже Я сними сейчас же познакомился. Один фамилия Шакалов а другой грузин которого я просто назвал Солнечная Грузия розговорились оказалось что мы в одну часть идем. Нашли самогону подвыпили и улеглись спать

12 февраля Прошли 7 кл. и остались ночевать где нашли хороших баб и отпуза водки. Провели вечер хорошо что уснули кто где Я очутился пососедству с этой квартирной хозяйкой а друзья мои не знаю где были

13 февраля Позавтракали и двинулись дальше в село Харлиевку которая отсюда 5 кл. и здесь заночевали но уже на сухую все наши попытки найти самогону ни увенчались успехом

14 февраля утром пошли на пересыльный пункт где нам дали взбучку за то что мы отстали от своей команды. Нам выдали продукты дали маршрут и мы пошли догонять свою команду Прошли 16 кл. и остановились ночевать в одной вдовушки где она как раз гнала самогон Я ей предложил чтобы она дала нам в счет обороны хотя 1 литр Просба последовала хорошим результатом и мы уснули хорошо выпившы».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 12 февраля 1944 года:

«В боях за город Шепетовка войска 1-го Украинского фронта разгромили крупные силы противника. Только на улицах города подсчитано 3.200 вражеских трупов, 47 сгоревших танков и 12 самоходных орудий. Наши войска захватили у немцев 67 орудий, 83 миномёта, 140 пулемётов, крупные склады с военным имуществом и другие трофеи». (т. 6, с. 72)

– На пересыльный пункт приходили все отставшие от своих частей, вновь назначенные, мобилизованные, выписавшиеся из госпиталей и другие. Здесь была и пехота, и артиллерия, и кавалерия. Поэтому из фронтовых частей на эти пункты приезжали «покупатели» и подбирали себе людей. А продпункты – это как бы продуктовые магазины, в которых по продаттестату можно было получить сухой паёк.

За отлучку из расположения своей части наказывали очень строго. Особенно в начале войны. Случилось это осенью 41-го. Помню, уже хлеба были скошены. Построили нас в поле без оружия. Смотрим, четверо вооружённых винтовками солдат ведут тоже четверых солдат без ремней. Значит, арестованных. Арестованных поставили перед строем, а напротив них, т.е. спиной к нам, конвоиров.

Политрук Воробьёв начинает говорить о том, что мы уже много раз слышали: «Озверевший фашизм рвётся к сердцу нашей Родины... Мы должны не щадя своей крови и жизни...». Все уже привыкли к этим словам и стоим спокойно, не зная однако, что будет дальше. И вдруг, один из командиров рот командует: «Приготовиться. По изменникам Родины – огонь!». Конвоиры вскинули винтовки и стали беспорядочно стрелять в тех четверых солдат, что без ремней.

Было это под Сумами, у хутора Братского. Один из четверых упал навзничь, другой – на колени, а двое стоят. Опять начали стрелять. А между арестованными и конвоирами всего-то метров пять. Наверное, конвоиры намеренно стреляли мимо.

Среди тех арестованных был один парень из Красноярска, здоровый сибиряк. Я его знал. Весь в крови, он дольше всех стоял на коленях. Наконец, повалили всех. Потом командир роты, который командовал: «Огонь!», вытащил пистолет и стал достреливать в головы. Мы поняли, что для нас это – наглядное пособие. Всех построили без оружия специально, чтобы мы не могли вмешаться в эту ситуацию. Если бы у нас было оружие, конечно, не допустили бы этого...

Когда добились всех, Воробьев начал читать приговор: за что расстреляны солдаты. Оказывается, за самовольную отлучку из расположения части.

Кормили нас тогда подло. Эти ребята решили сходить в соседнее село, чтобы разжиться какими-нибудь харчами. И отсутствовали они часов пять. Когда вернулись и Воробьев с командиром роты налетели на них с матюками, этот красноярский парень сказал тогда политруку: что ты, мол, хорохоришься, немцы наступают нам на пятки, и с тобой всякое может случиться. Вот тогда Воробьёв с командиром роты решили показать всем, что они могут, чтобы другим, значит, неповадно было. Тут же, рядом, выкопали яму, стащили туда ребят, как собак, даже не заворачивая в плащ-палатки, быстро загребли землёй, сверху навалили оставшуюся на жнивье солому и подожгли её – чтобы место могилы осталось неприметным.

Хотя дезертиров в то время у нас было немало. Особенно под Сталинградом. Во время каждого ночного марша, когда мы отступали, из батальона человек десять-пятнадцать отставали, чтобы сдать в плен. Один мой кореш, Сергей из Станички, что под Новороссийском, как-то говорит мне: «Гриша, сколько можно отступать, сколько можно голодовать и постоянно дрожать в страхе? А за Волгой для нас земли нет. Все погибнем. Давай и мы останемся?». Я ему: «Сергей, сдаётся мне, за Волгой мы не будем. Не пустим немца за Волгу».

Обычно тех, кто хотел ночью отстать, было видно сразу. Они сильно нервничали. Сергей вёл себя спокойно, поэтому я даже не предполагал, что он может уйти. Вначале командиры сообщали, сколько людей за ночь отстало. Называли их предателями, трусами, а Воробьёв – «заячьими душонками». Потом почему-то перестали информировать об отставших. В это время неожиданно для меня не стало и Сергея. Только после войны я узнал о его судьбе. Оказывается, он не остался сдаваться немцам, а пошёл на свою родину. Кубань уже тогда была оккупирована, до Новороссийска он добраться не мог и решил зайти ко мне домой, в Гривенскую. Поскольку мы были земляки, я ему всё рассказал о своей семье, о том, где живу. Постучался он к моей матери в хату, говорит, мы с Григорием вместе воевали... Мать ему сразу не поверила, вынесла групповую школьную фотографию и попросила показать на ней меня. Сергей быстро нашёл меня. Только после этого мать впустила его в хату. Трое суток он у нас пожил, немного подкормился, а на четвёртые утром пошёл в сторону Новороссийска. С тех пор его никто больше не видел. Уходя, он сказал: «Я думал, что Гришка не прав, когда отказывался от моего предложения, а теперь получается, что я ошибся...»

Да, Сергей всё испытал на себе. Теперь с его помощью и я знаю, кто из нас был прав наверняка, а кто нет.

«15 февраля Приследуем свою команду Прошли город Ружын и направились на ст. Ружынцы где должны были наши ребята Но оказывается они ушли дальше А мы решыли здесь заночевать и остановились в одной старушки в которой в хате холодно как на Северном полюсе и мы не спали а дрожали целую ночь

16 февраля Получили здесь продукты на продпункте и устремились за своей командой через село Городок где я отступал в 41 году Здесь не далеко станция Погребище где был убит мой друг Сам он родом с Лебедей на Кубани. Как раз иду теми следами где в 41-м году дрался с фрицами которые тогда ползли тучами А сейчас уже прошло 2,5 года и все кажется было вчера А я уже не мало за это время исколесил по Руси».

– Друга моего, который был убит, звали Артём Чеховский. Тогда немцы догнали нас в чистом поле на танках. Могли запросто передавить всех гусеницами. А они постреляли нам в спины и почему-то вдруг ушли в сторону. У нас были только винтовки со штыками и кое-кого гранаты. По вдоль дорог ещё в мирное время выкопали щели метровой глубины для того, чтобы во время бомбёжки или артобстрела прятаться в этих щелях. Правда, щель такая узкая, что протиснуться в неё можно только боком.

Артём тогда не успел добежать до такой щели. Мне говорят, Артёма убило, вон он лежит. Я не смог разглядеть, где он лежит, а тут команда бежать дальше. Теперь неизвестно, где его могила. Немцы в таких случаях выгоняли на места боёв оставшихся местных жителей, заставляли собирать трупы и закапывать там, где укажут. Поля им были нужны под будущий урожай, и засорять их они не хотели.

Между тем, на оккупированной территории немцы ничего не строили и не восстанавливали разрушенное нами. К примеру, когда их уже гнали с Украины, я увидел мост, который мы взорвали при отступлении, таким же разрушенным.

Каждая дорога для нас была стратегическим или основным направлением передвижения войск, а немцы, что нас очень удивляло, выбирали свои направления.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 16 февраля 1944 года:

«Ниже публикуется акт о чудовищных зверствах немецко-фашистских мерзавцев в селе Никольское, Ленинградской области: «Захватив село, немецкие изверги разгромили известную в Ленинградской области психиатрическую лечебницу им. Кащенко, а всех больных убили. В лечебнице находилось свыше 1.500 стариков, женщин и подростков. Вечером 19 ноября 1941 года немецкие военные власти объявили медперсоналу, что больные эвакуируются в гор. Псков. Утром 20 ноября немецкие врачи произвели больным подкожное впрыскивание яда, погрузили их в машины и увезли к противотанковому рву, в деревню Ручьи. Яд действовал быстро, и многие больные умерли в дороге. Гитлеровцы бросали в ров не только мёртвых, но и тех, в ком ещё теплилась жизнь. Затем фашистские палачи расстреляли главного врача лечебницы Дуброву, врача Дивельтову и других медицинских работников. Гитлеровцы в последнее время начали замечать следы своих преступлений. В ноябре 1943 года немцы пригнали к противотанковому рву группу захваченных в плен красноармейцев, заставили их вскрыть массовые могилы, извлечь трупы советских граждан и сжечь их. Затем фашистские людоеды загнали всех пленных бойцов, производивших раскопки могил, в сарай и живьём сожгли их». (т. 6, с. 79)

– Какие военные годы лучшие запомнились?

– Последние. Может быть потому, что в это время мы уже охотно воевали. Считали войну для себя действительно священной обязанностью. Вот гоним немцев, а под вечер они начинают сильнее огрызаться, а мы устали. От командования нет никаких распоряжений. Тогда солдаты говорят своим командирам: давай нажмём, чтобы за ночь немец не успел окопаться.

Воевать немцы умели хорошо. Но драпали не хуже, как мы в 41-м. Когда мы повстречались с американцами, вместе выпивали, демонстрировали друг другу свои танцы и песни, они говорили нам: немцы вовсе не такие глупые, как о них пишет ваша печать. Мы отвечали: это мы знаем хорошо, а в печати пишем не мы.

«17 февраля встречаю своего друга Ляха и всю свою команду Пошли в часть где мы должны воевать но оказывается здесь все уже пополнено и нас обратно отправляют в лес».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 17 февраля 1944 года:

«Войска 2-го Украинского и 1-го Украинского фронтов... прорвали в начале февраля сильно укрепленную оборону немцев и смелым искусным манёвром окружили крупную группировку немецко-фашистских войск севернее линии Звенигородка – Шпола. В результате этой операции наши войска зажали в кольцо... 10 дивизий и одну бригаду. Личный состав окружённых войск противника достигал 70–80 тысяч солдат и офицеров.

Советское командование в лице заместителя Верховного Главнокомандующего Красной Армии Маршала Советского Союза Жукова, командующего 2-м Украинским фронтом генерала армии Конева и командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Ватутина, во избежание напрасного кровопролития и уничтожения окружённых немецких войск, предъявило 8 февраля 1944 года командованию и всему офицерскому составу окружённых в районе Корсуня-Шевченковского немецких войск ультиматум с предложением прекратить сопротивление. В ультиматуме сообщалось:

«...Мы гарантируем всем офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую другую страну по личному желанию военнопленных.

Всему личному составу сдавшихся частей будут сохранены: военная форма, знаки различия и ордена, личная собственность и ценности, а старшему офицерскому составу, кроме того, будет сохранено и холодное оружие.

Всем раненым и больным будет оказана медицинская помощь. Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам будет обеспечено немедленно питание...

Если Вы отклоните наше предложение сложить оружие, то войска Красной Армии и воздушного флота начнут действия по уничтожению окружённых Ваших войск и ответственность за их уничтожение понесёте Вы».

Среди командиров окружённых немецких войск были генералы и офицеры, которые видели безнадежность и обречённость окружённых советскими войсками немецких дивизий и хотели принять ультиматум Советского Командования и капитулировать. Но командование и рядовой состав окружённых немецких войск были одурачены Гитлером, который в приказе к окружённым войскам требовал от солдат и офицеров держаться во что бы то ни стало и заверял их, что со стороны верховного командования германской армии приняты меры, гарантирующие спасение немецких войск, попавших в «котёл». После такого приказа Гитлера командование окружённых немецко-фашистских войск отклонило ультиматум Советского Командования.

Ввиду отклонения ультиматума, наши войска начали генеральную атаку окружённых дивизий противника и решительными действиями стали быстро уничтожать вражескую группировку...

Окружённые войска немцев оставили на поле боя убитыми 52 тысячи человек. Сдалось в плен 11 тысяч человек. Немцам удалось вывезти на транспортных самолётах едва ли больше 2–3 тысячи офицеров из числа окружённых немецких войск.

Начиная с 5 февраля немецкое командование, стянув с других участков фронта в район... Звенигородка 8 танковых дивизий, а также несколько пехотных дивизий... и сосредоточив в районе сражения более 600 бомбардировщиков, истребителей и транспортных самолётов, предпринимало отчаянные попытки ударами извне южнее Звенигородка прорваться к окружённым немецким войскам и вывести их из окружения... В этих боях немецко-фашистские войска... потеряли только убитыми до 20.000 своих солдат и офицеров...

Как показывают пленные немецкие офицеры из окружённых войск, Гитлер после провала попыток спасти окружённых немцев дал немецким войскам, попавшим в «мешок», ещё один приказ, в котором требовал, чтобы окружённые немецкие солдаты и офицеры принесли себя в жертву, дабы задержать своим сопротивлением на некоторое время русские дивизии, ибо этого якобы требуют интересы германского фронта. В упомянутом приказе Гитлера содержалась прямая директива о том, чтобы окружённые немецкие солдаты и офицеры кончали жизнь самоубийством, если их положение станет безвыходным. Пленные немцы показывают также, что за последние 3–4 дня среди солдат и офицеров окружённых немецко-фашистских войск наблюдались массовые случаи самоубийства. Раненые солдаты и офицеры по приказу немецкого командования умерщвлялись и сжигались. Так, например, наши войска, захватившие населённые пункты Стеблев и Шандеровку, обнаружили большое количество сгоревших автомашин, наполненных трупами немецких солдат и офицеров.

Операцией по ликвидации окружённых немецких войск руководил генерал армии т. Конев». (т. 6, с. 80–81)

«18 февраля Спали в землянках где было адски холодно А утром нас построили и ведут не извесно куда Прошли с километр нас догнал один нач-штаба кото-

рый начал выбирать минометчиков Но и мы попали с другом сюда и он нас повел в Шырмовку где мы отдохнули и пошли дальше в село Муховатку ведет нас старшина Сорока Прибыли и начали разбивать по дивизионам где я и попал разведчиком а друг мой в дивизион командир розчета».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 18 февраля 1944 года:

«Жители села Вознесенка, Запорожской области, рассказали о зверствах немецко-фашистских мерзавцев: «Гитлеровцы беспощадно и зверски истребляли советских людей. Только за один день они расстреляли свыше ста жителей нашего села. Много трупов женщин, стариков и детей, замученных немцами, теперь обнаружены в колодцах и в оврагах. Накануне отступления фашистские бандиты сожгли восемь средних и начальных школ, больницу, зернохранилище, электростанцию и около 1.300 жилых домов колхозников. Эти чудовищные злодеяния совершили немецкие солдаты во главе с военным комендантом палачом Вирсом. От имени жителей села Вознесенки мы обращаемся к воинам нашей Красной Армии с призывом: «Беспощадно бейте проклятых немцев! Отомстите им за все преступления, которые они совершили на нашей Родине!». (т. 6, с. 84)

Из оперативной сводки Совинформбюро за 19 февраля 1944 года:

«При ликвидации окружённой в районе Корсунь-Шевченковский группировки противника взято в плен большое количество немецких солдат и офицеров из дивизии СС «Викинг». Пленные солдаты Людвиг Райман, Венделин Вейс, Гельмут Фогель, Генрих Мюллер, Иоганн Куриц и другие рассказали: «Наша дивизия, насчитывавшая около 7 тысяч солдат и офицеров, за две недели потеряла более четырёх тысяч человек. Нам приходилось всё время отступать под ураганным огнём русских. Дороги были запружены брошенными машинами и орудиями. Мы были в отчаянии. В ночь на 17 февраля солдатам выдали по усиленной порции водки и разрешили съесть неприкосновенный запас продуктов. В 2 часа был объявлен приказ, в котором говорилось, что на помощь извне больше нечего рассчитывать. На рассвете была принята последняя и самая отчаянная попытка вырваться из кольца. Впереди шла дивизия СС «Викинг», за ней мотобригада «Валония»... Всего в колонне было около восьми тысяч солдат и офицеров. Пушки, автомашины, всё военное имущество и даже личные вещи приказано было бросить. Едва мы прошли 300 метров, как на нас напали русские танки. Они ворвались в гущу колонны и гусеницами утюжили и давили ряды солдат. За танками появились казаки. Началась такая мясорубка, какой мы ещё нигде и никогда не видели за всё время войны. Вся колонна была уничтожена. Нам удалось спрятаться около разбитых автомашин. На следующий день утром мы сдались в плен». (т. 6, с. 85–86)

«19 февраля Сегодня я познакомился с новыми мне людьми разведчиками Шуралев Лозуков Коба Арыстов Сорока Ребята все хорошие работать нам придется вместе и с этими ребятами можно кое чего сделать».

– Сорока – это наш старшина Николай Сорокин. Со всеми разведчиками, которых я называю, потом крепко сдружился: с Мишей Шуралеевым, Сергеем Лозуковым, самым молодым в отделении Кобой, Аристовым, Амосом Шитиковым. Были в нашем отделении ещё два радиста: Николай Ольховиков и Капа. Капа стала женой Николая Сорокина, а когда забеременела, её отправили в Среднюю Азию. Там родила сына.

«20 февраля Живем на квартире разведка и радисты все время самостоятельность играем в шахматы радио все время играет Спим лежим находимся на курортах».

– Самодеятельность помогала нам лучше узнавать друг друга. Мы так обнюхивались – кто есть кто. К примеру, Сорокин очень хорошо играл на гитаре, пел одесские частушки. В присутствии начальника штаба батальона капитана Константина Косульникова непременно заводил одну и ту же песню: «Шаланды полные кефали в Одессу Костя приводил, и все биндюжники вставали, когда в пивную он входил», чем всегда вызывал гнев капитана, который не хотел иметь никаких дел с биндюжниками. А мы от души смеялись.

В отделении у нас пели все. Мы часто вспоминали слова преподавателя немецкого языка в полковой школе Тараса Петрика, нашего лучшего полкового певуна: «Даже корова умеет петь, но вы этого просто не замечаете, потому что корова поёт что-то своё... А уж солдат каждый должен петь».

– *Какие песни пели?*

– «Тёмную ночь», частушки Прялкина и Мочалкина. Как потом выяснилось, это были Тарапунька и Штепсель. Частушки все, в основном, были о Гитлере. Они нам нравились. Перед наступлением, обычно, нас не трогали, давали возможность хорошо отдохнуть. Занятия не проводились. Иногда приезжал проверять нашу подготовленность начальник корпусной разведки Соболев. Вначале задавал несколько вопросов по теории. К примеру, показывает где-нибудь в лощинке или на пригорке немецкий блиндаж или огневую точку и спрашивает, как можно скрытно до него добраться ночью, а как – днём?

Главное, за что он нас сильно гонял, так это за владение приёмами рукопашного боя и за меткую стрельбу. Раздавали каждому по три патрона, и ты должен был все три пули вогнать в цель на расстоянии 200–250 метров.

Иногда мы тренировались по пути, как говорится. Едем однажды на своей машине по просёлочной дороге, вдруг, в чистом поле откуда-то курица появилась. Ну, мы друг перед другом стали своё снайперское мастерство демонстрировать. Били по бегающей курице очередями и – никто не попал. Наш водитель Миша Роговский не выдержал, остановился. И тут начальник штаба капитан Косульников выходит из кабины, достаёт из кобуры пистолет и говорит нам: «Смотрите, разведчики, как стрелять надо». Долго целился в курицу, которая уже успокоилась и что-то клевала. Трах... Курица даже головы не подняла. Косульников всю обойму на курицу израсходовал, а потом от стыда опять в кабине скрылся.

Мне повезло: с первого выстрела одиночным из ППШ попал курице в шею. Вообще-то стрелял я хорошо.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 20 февраля 1944 года:

«Взятый в плен в районе Корсунь-Шевченковский врач немецкой танковой дивизии СС «Викинг» капитан Вальтер Михль сообщил: «Наш лазарет и перевязочный пункт были расположены в Корсуне. За период с 1 по 14 февраля к нам поступило 440 легко раненых солдат и офицеров. Тяжело раненые в лазарет не поступали. Мне известно, что офицеры, выполняя приказ Гитлера, пристреливали всех тяжело раненых немецких солдат». (т. 6, с. 87–88)

Из оперативной сводки Совинформбюро за 25 февраля 1944 года:

«Пленный адъютант 3-го дивизиона 188-го артполка 38-й немецкой пехотной дивизии обер-лейтенант Бертольд Шихон сообщил: «Солдат всё время уверяли, что принимаются самые решительные меры, чтобы прорвать кольцо окружения извне. В то же время говорили, что семьи солдат и офицеров, сдавшихся в плен, будут поголовно направлены в концлагери». (т. 6, с. 99–100)

«23 февраля все время жили без изменения а сегодня праздник Красной Армии и мы имеем шансы выпить в чем и отличается наша победоносная Красная Армия и сейчас все это заметно Большое оживление Славяне ходят везде подвыпивши и поют песни».

– Этот праздник выделялся среди всех других советских праздников тем, что только в честь него выдавали дополнительно по сто грамм водки не только на передовой, но и в тылу, где водка на паёк не полагалась. Солдаты к этому относились по-своему: «Как у попа причастие...».

Такой праздник был ещё в 43-м году, когда мы надевали погоны. В тот день на каждое отделение ещё выдали по посылке из тыла.

Говорят, что во время наступательных боёв солдат спаивали, чтобы, значит, храбрее были. Это неправда. Перед наступлением нас специально не поили. Но выдавали продукты на пять суток сухим пайком, в том числе и пять порций водки по 100 грамм. Получалась сразу бутылка. Да ещё некоторые отказывались от водки и взамен брали продуктами. А что такое бутылка молодому, здоровому солдату? К тому же, скажем, зимой, на морозе?.. И выпивалась она, как правило, ещё на марше.

Да солдат перед атакой сам не стал бы пить: пьяный человек теряет чувство опасности, а в бою – это верная гибель. Не под пулю, так под осколок подставишься...

Немцев очень часто перед наступлением поили. Приходилось брать в стельку пьяных «языков». Однажды взяли обер-лейтенанта, командира расчёта «ванюши». Я обратил внимание, что у него на груди три нашивки, похожие на те, какие мы получали за ранения. А немцам их нашивали за каждую проведённую в России зиму. Значит, обер-лейтенант провоевал в России три зимы, но притворяется, подлый, что не знает русского языка. Встряхнули мы его как следует: «Говори, зараза!» Он только мычит. Потом посмотрим, а он пьяный в лоскуты. Наверное, остальные минометчики удрали, а с пьяным командиром возиться не стали, мол, русские подберут.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 23 февраля 1944 года:

«Приказ Верховного Главнокомандующего товарища Сталина о 26-й годовщине Красной Армии вызвал огромное воодушевление и новый патриотический подъём трудящихся Советской страны. На митингах и собраниях рабочие, колхозники и интеллигенция горячо приветствуют славную Красную Армию, любимого вождя товарища Сталина и заявляют, что они обеспечат Красную Армию всем необходимым для скорейшего и окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков.

На Московском металлургическом заводе «Серп и молот» на митинге выступил сталевар тов. Дроздов. Он сказал: «С глубоким удовлетворением и с чувством гордости мы встретили сталинские слова о том, что усилия рабочего класса приближают час нашей окончательной победы... Великий и мудрый вождь призывает нас трезво оценивать силы врага, быть бдительными, не зазнаваться, не допускать самоуспокоенности и беспечности. Мы заверяем товарища Сталина, что советские рабочие свято выполняют его указания. Я обязуюсь с каждой плавки выдавать по 5 тонн стали сверх задания». (т. 6, с. 96)

«28 февраля Этот месяц мы прожили хорошо все время песни игра на гитаре Слушаем концерты по радио которые дает Москва За все время только один раз ездили в лес машиной за дровами а то как-то холодно в квартире спать и решили эти трудности одолеть. Но мы с этой задачей справились и сейчас у нас в квартире тепло!

6 марта Вот и пришел тот день которого мы ожидали А погода сейчас весняная грязь распутица и машины приходится то и дело толкать раз два взяли А иногда так запорится что приходится танком вытаскивать

К утру 7 приехали в Шырмовку где была дневка и ночлег».

– Конечно, ждали выезда на фронт. Но не так, как об этом говорили агитаторы, мол, ждём не дождемся, из всех сил рвёмся на фронт...

Мы знали, что кончать-то войну когда-то надо. И чем скорее, тем лучше. Всё равно ведь придётся идти на фронт, не сегодня, так завтра. С каждым выездом на фронт мы связывали приближение конца войны.

О смерти никогда не думалось, и страха не было. Но тот, кто раньше был ранен, – по себе знаю – вместе с выездом на фронт невольно ожидал очередного ранения. Случалось, и такое, что перед выходом на передовую кто-то дезертировал. Но это было очень редко.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 5 марта 1944 года:

«Войска 1-го Украинского фронта утром 4-го марта... прорвали сильную оборону немцев на фронте протяжением до 180 километров и за два дня боёв продвинулись вперёд от 25 до 50 километров, ...заняли более 500 населённых пунктов. Особенно ожесточённые бои произошли в районе Белогородка... На поле боя осталось 38 подбитых и сожжённых немецких танков и более 2.000 вражеских трупов... В другом районе части Н-ского соединения уничтожили до 4.000 немецких солдат и офицеров, свыше 60 танков и захватили бронепоезд... В течение двух дней разбито 4 танковых и 8 пехотных дивизий немцев». (т. 6, с. 113)

«8 марта Сегодня женский праздник. А мы двигаемся дальше и обратно путаемся в грязи по уши А вечером пешком я обратно вернулся в Шырмовку и ночью обратно своих догнал Они болтались в грязи».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 8 марта 1944 года:

«Войска 1-го Украинского фронта продолжали наступление... Отступая под ударами советских частей, немцы бросают завязшие в грязи танки, орудия и автомашины. Особенно ожесточённые бои идут в районе города Староконстантинов, являющегося важнейшей базой войск противника... В течение дня в этом районе уничтожено до 3.000 немецких солдат и офицеров, 25 танков и самоходных орудий. На другом участке немцы бросили в контратаку около сотни танков. Наши танкисты, артиллеристы и бронебойщики сожгли и подбили 42 немецких танка и отбросили гитлеровцев». (т. 6, с. 117)

«9 марта Продолжаем свое плавание по грязи целый день сунемся 8 кл. Здесь грязь просто невыносимая и приходится каждый метр силой брать чтобы протолкнуть машины Машины все время работают с ужасным ревом».

– Это мы добирались до считавшейся стратегической дороги на Шепетовку. Машины у нас разные были: ЗИС-5, «полуторки», английские «доджи» – английская королева 5000 подарила, из них 1-й танковой досталось много.

ЗИСы и «полуторки» ещё кое-как ползли, а приспособленные только для хороших дорог «доджи» танки тащили на буксире. Солдатня – пешком. Если танков нет, или не хватает, чтобы взять на буксир все машины, мы лезли в колею и, набирая грязь в сапоги, толкали машины. Потом так и хлюпали с грязью в сапогах, пока она там на высохнет.

А если повезёт переночевать в хате, то было не до стирки и не до сушки. В одну хату набиралось столько народу, что лечь места не хватало, ночь приходилось проводить сидя. Поэтому

кто входил первым, сразу старался занять место под столом. Только там и можно было спать лёжа.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 9 марта 1944 года:

«Ниже публикуется акт о зверствах немецко-фашистских мерзавцев в городе Ровно: Шестого ноября 1941 года немцы согнали на площадь значительную часть населения города. Вся площадь была запружена людьми. Многие женщины пришли с детьми. В 10 часов утра немецкая жандармерия погнала эту огромную толпу за город. Здесь у заранее вырытых рвов и ям немцы начали кровавую расправу над советскими людьми. Три дня продолжались расстрелы. Многие разутыми и раздетыми по двое суток дожидались казни. Палачи заставляли их засыпать землёй ямы, наполненные трупами. Детей гитлеровцы живьём бросали в ямы и кидали туда ручные гранаты. За три дня фашистские людоеды убили около 16 тысяч мирных жителей. Кроме того, много советских граждан гитлеровцы замучили и расстреляли в тюрьме. В центре города немцы устроили виселицы, на которых вешали советских патриотов». (т. 6, с. 120)

«10 марта Сегодня с утра стоим отдыхаем а з 12 ч. дня двигаемся дальше Здесь дорога идет хорошая – асфальтирована и мы несемся на запад с головокружительной скоростью Едем через те города где я в 41 году отступал с Польши дрался за каждый дом А теперь 44 г. и я узнаю где у нас была оборона улицы дома где приходилось быть Козятин Комсомольское Бердичев где простояли до 12 ч. ночи а потом поехали дальше Я спал и незнаю деревень по которым мы ехали

11 марта Сегодня после длинного переезда остановились сварить завтрак позавтракав мы с одним другом Зелинским уснули в сарае а машины ушли и мы сейчас чапаем пешком по каше за машинами следом в Шепетовку но вскоре мы догнали автоколонну они проехали кл. 5 и остановились заправятся и продолжаем ехать дальше К вечеру мы проехали городишку который совсем почти разбит Изяслав Здесь мы остановились на ночлег здесь я ночую в одной молоденькой вдовушки ноч проспал хорошо

12 марта Продолжаем путь дальше едем целый день и останавливаемся в одном леску возле деревни Чижикова Ночуем в машине студобекер».

– Подобных «студебеккеру» машин у нас в то время не было. Считалось, что для него преград не существует – он же с тремя ведущими мостами. Но если уж и «студебеккер» застрянет, то солдатской силой его уже не вытащишь, только танком.

«Шевроле» был хороший грузовик. Особенно нашим фронтовым шофёрам нравились его гидравлические тормоза. До этого мы не знали, что такие существуют. У наших машин механические. Если приходилось резко тормозить, тяги гнулись, и машина выходила из строя.

«14 марта Стоим в этой деревне 2 дня А в ночь выезжаем дальше Едем целую ночь По грязи двигаемся медленно машины то и дело застряют Утром зготовили завтрак позавтракали и дальше на запад А к вечеру доехали до селения Елизавет-поле в котором ночуем Здесь как раз старая граница польская

16 марта Продолжаем движение Переехали польскую границу которую я пересекаю третий раз К вечеру выехали на тарнопольскую соше по которой мы несемся выхрем и к ночи прыежаем в г.Збараж в котором останавливаемся ночевать».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 6 марта 1944 года:

«В течение 6 марта войска 1-го Украинского фронта, продолжая развивать наступление, овладели районными центрами Тернопольской области городом Збараж.». (т. 6, с. 114)

«17–18 марта Стоим в Збараже городок хороший но здорово разбит Жители хорошо относятся к нам Я приболел здесь температура была 40 но я не лежал мне не хочется болеть и я стараюсь размяться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.